

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 7-8

2018

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое законодательное собрание

Модераторы журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация

Д. Д. Сарапулова, Е. С. Аничкин. Реализация и охрана населением конституций (уставов) субъектов российской федерации..... 5

Юридическая герменевтика

И. Н. Васев. Грамматический и системный способы толкования норм права: характер взаимодействия..... 17

И. В. Рехтина, М. А. Боловнев. Оценочные понятия в гражданском процессе 27

Юридическая техника

А. А. Васильев, Д. Шпоппер, М. Х. Матаева. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ..... 35

О. Л. Казанцева, Д. В. Трущелев. Об антикоррупционной экспертизе, проводимой органами юстиции (на примере Алтайского края): актуальные вопросы практики 45

Язык права

Н. В. Тыдыкова. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в уголовном кодексе российской федерации..... 56

А. В. Снигирев. Фиксация преступлений, вызванных речевыми конфликтами, в «Артикуле воинском» Петра I..... 64

Речевые правонарушения

А. П. Майоров. Коммуникативная ситуация и констатирующее значение в конфликтогенном креолизованном тексте 75

Лингвоэкспертология

С. В. Доронина. Научно-практический семинар «Актуальные проблемы судебной экспертизы экстремистских материалов» 91

Г. С. Иваненко. Лексикография и лингвистическая экспертиза: перспективы взаимоотношений..... 98

CONTENTS

Legal communication

D. D. Sarapulova, E. S. Anichkin. Implementation and protection of the constitutions (statutes) of the Russian Federation subjects by the population 5

Legal hermeneutics

I. N. Vasev. Grammatical and system-based approaches to interpreting the law: the nature of interaction 17

I. V. Rekhtina, M. A. Bolovnev. Evaluative concepts in the civil process 27

Legal techniques

A. A. Vasilyev, D. Shpopper M. X. Mataeva. The term «artificial intelligence» in the Russian law: doctrinal analysis 35

O. L. Kazantseva, D. V. Trushchelev. On anti-corruption expertise, conducted by justice institutions (on the example of Altai krai): topical practitioner issues 45

Legal nomenclature

N. V. Tydykova. On incorrect usage of medical terms in the definition of sexual offences in the criminal code of the Russian Federation 56

A. V. Snigirev. Documentation of crimes, caused by speech conflict, in the «military articles» by Peter I 64

Speech offenses

A. P. Mayorov. Communicative situation and consituative meaning in creolized conflict-instigating text 75

Linguoexpertology

S. V. Doronina. Applied science seminar «acute issues of forensic examination of extremist materials» 91

G. S. Ivanenko. Lexicography and linguistic expertise: prospects of mutual relations 98

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 659.4:81'42, ББК Ш 100.3, ГСНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.19

Д. Д. Сарпулова, Е. С. Аничкин

Барнаул, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ И ОХРАНА НАСЕЛЕНИЕМ КОНСТИТУЦИЙ (УСТАВОВ) СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предлагается общая характеристика механизма реализации и охраны конституций (уставов) субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделяется населению как субъекту конституционного права в указанном механизме. Рассматриваются формы реализации конституций (уставов) субъектов Российской Федерации. Уделяется значение конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации, посредством которых осуществляется охрана основных законов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: реализация конституций (уставов), охрана конституций (уставов), формы реализации, конституционные (уставные) суды.

Сведения об авторе: Дарья Денисовна Сарпулова, аспирант кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Социалистический, 68, к. 412. E-mail: darya_denisovna@mail.ru

Сведения об авторе: Евгений Сергеевич Аничкин, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Социалистический, 68, к. 202а. E-mail: rrd231@rambler.ru

D. D. Sarapulova, E. S. Anichkin

Barnaul, Russia

IMPLEMENTATION AND PROTECTION OF THE CONSTITUTIONS (STATUTES) OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS BY THE POPULATION

The article offers a general description of mechanism for the implementation and the protection of the constitutions (statutes) of the Russian Federation subjects. Special attention is

given to the population as a subject of the constitutional law in this mechanism. Forms of implementation of constitutions (statutes) of the Russian Federation subjects are considered. Particular emphasis is made on the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation.

Key words: implementation of the constitutions (statutes), protection of constitutions (statutes), forms of implementation, constitutional (statutory) courts.

About the author: Darya Denisovna Sarapulova, PG student, Department of Constitutional and International Law, Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68, office 202a. E-mail: darya_denisovna@mail.ru

About the author: Evgeny Sergeevich Anichkin, Doctor of Law, Department of Labor and Environmental Law, and Civil Procedure, Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68, office 202a. E-mail: rrd231@rambler.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-801

Обращаясь к конституции (уставу) как основному акту субъекта Российской Федерации, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о механизме ее реализации. Характеризуя механизм реализации отечественной конституции, было бы неверно оставить без внимания его специфику, предопределяемую федеративной формой территориального устройства Российской Федерации. Нельзя забывать об особой роли и значении конституирующих (учредительных) актов субъектов Российской Федерации – конституций и уставов, обладающих качеством системообразующих актов по отношению к текущему законодательству субъектов Федерации. При этом принципиально важно подчеркнуть, что региональное законодательство, в основе которого лежит конституция (устав) субъекта Федерации, представляет собой подсистему единой системы законодательства федеративного государства, фундамент которой в свою очередь составляет федеральная конституция. Динамика внутренних связей данной сложной системы подчинена логике нормативного содержания ст. 76 (в ее системном единстве со ст. 71, 72, 73, 77 и 78) Конституции Российской Федерации. Следует подчеркнуть в связи с этим, что механизм реализации федеральной Конституции не может успешно

функционировать в условиях федеративного государства без надлежащей гармонизации с конституционными актами регионов. Федеративное государство в силу своей юридической характеристики принципиально исключает несоответствие конституций (уставов) субъектов федерации федеральному основному закону [Сергевнин 2014: 100–109].

Под реализацией конституции следует понимать специальную юридическую форму ее воздействия, а также воздействия производного от основного закона законодательства на общественные отношения, что проявляется в регулировании с помощью конституционно-правовых средств прав и обязанностей субъектов конституционных отношений [Сергевнин 2013: 102–112].

В числе упомянутых в данном определении конституционно-правовых средств следует, по нашему мнению, назвать:

1) конституционные принципы, которые непосредственно закреплены в соответствующих нормах конституции (устава), либо выводятся из содержания этих норм посредством особой интерпретационной деятельности конституционного (уставного) суда;

2) нормы самой конституции (устава);

3) имеющие конституционно-правовую природу общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части правовой системы государства.

Названные конституционно-правовые средства образуют нормативный компонент механизма реализации конституции. К иным компонентам механизма реализации права можно отнести юридические факты, служащие основанием для приведения механизма реализации права в действие и гарантии осуществления права [Морозова 2010: 256].

Под реализацией конституций (уставов) субъектов Российской Федерации понимается деятельность субъектов конституционного права (таких как граждане, должностные лица, государственные органы, общественные объединения и социальные общности) по внедрению положений конституций

(уставов) субъектов Российской Федерации. Реализация носит универсальный характер в смысле охвата различных сфер общественных отношений.

Наибольший интерес для нас представляют социальные общности. К ним можно отнести: население, народ, нации, народности и иные объединения людей. Для начала необходимо разграничить такие термины как «народ» и «население». В литературе встречается точка зрения, которую мы поддерживаем, согласно которой понятие «народ» связывают с гражданством, а «население» – лица, проживающие на определенной территории. Таким образом, понятие «население» является более широким по сравнению с народом. Исключительность статуса народа как субъекта конституционно-правовых отношений объясняется во многом тем, что он является носителем суверенитета и единственным источником власти в России [Авакьян 2014: 864].

Население – это совокупность физических лиц (граждан, лиц без гражданства, иностранных граждан), проживающих на территории определенного субъекта Российской Федерации. Говоря о населении субъекта мы имеем в виду как население в целом, так и определенные объединения граждан. При реализации конституций (уставов) правильнее вести речь о народе, так как большинство конституционных (уставных) прав адресованы всем физическим лицам, а не только гражданам. Если мы говорим о населении как субъекте конституционно-правовых отношений, то необходимо упомянуть про коллективные права граждан. К политическим коллективным правам можно отнести право на конституционный протест (право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования), право петиции (коллективного обращения в государственные и общественные органы), а также право законодательной народной инициативы.

Рассматривая реализацию населением конституций (уставов) субъектов РФ, необходимо выделить формы реализации. Смысл категории «форма реализации конституции» не был четко определен ни в советской юридической науке, ни в современной теории конституционного права. Еще в советское время содержание понятий «форма» и «способы» реализации права

рассматривались как близкие по значению или идентичные [Ишеков 2011: 21].

Формы реализации конституций (уставов) субъектов Российской Федерации также определяются конституционными (уставными) нормами и представляют собой запреты, обязанности, правомочия, которые проявляются в важнейших правовых отношениях, правомерном поведении, деятельности органов публичной власти.

Проблемный аспект имеет также соотношение понятий «действие» и «реализация» конституций (уставов) субъектов Российской Федерации. Термины «действие» и «реализация» не являются тождественными и несут в себе различную смысловую нагрузку. Термин «действие» выступает более широким по сравнению с «реализацией», так как «реализация» – это одна из форм действия. Действие – это не всегда реализация, оно создает потенциальную возможность осуществления правовых норм. Конституционные нормы действуют и тогда, когда фактически не реализуются. Реализация начинается с момента, когда действием акта воспользовались субъекты правоотношений, реализация – конечный результат действия [Аничкин, Ряховская 2018: 33].

Соблюдение конституционных запретов – воздержание конкретного субъекта конституционного правоотношения от осуществления активных действий, описание которых содержится, как правило, также в диспозиции соответствующей конституционной регулятивной нормы. Так, согласно ст. 16 Устава Алтайского края граждане обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, Устав (Основной Закон) Алтайского края, законы Алтайского края и правовые акты органов государственной власти и органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции.

Исполнение права – форма реализации, которая состоит в обязательном совершении предусмотренных нормами права действий. Например, граждане Российской Федерации на территории Алтайского края обязаны бережно относиться к окружающей среде, историческому и культурному наследию Алтайского края (статья 16 Устава Алтайского края) [Устав (Основной Закон)

Алтайского края 1995: 16].

Использование конституционного дозволения есть зависящая от усмотрения субъекта конституционного правоотношения (правопользователя) реализация закрепленной в диспозиции конституционной нормы правовой возможности. Так, согласно Конституции Республики Крым каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов [Конституция Республики Крым 2014: 23].

Особой формой реализации права является применение права. Право применяют лишь те органы, должностные лица, которые имеют властные полномочия. Гражданин право не применяет, хотя в некоторых случаях наделяется правомочиями активно препятствовать противоправному поведению другого лица. Применяют право органы государства, представители власти, то есть те, кто наделен специальной компетенцией, либо те лица, чья работа связана с правоохранительной деятельностью.

Яркий пример правоприменения – деятельность судов. Вынося приговор или иное постановление, суд осуществляет применение права, реализует свои властные полномочия, вторгается в сферу прав и обязанностей гражданина или соответствующего структурного образования, словом, создает правоприменительный акт, на основе которого может осуществляться прямое принуждение [Венгеров 2005: 262].

Как видно, реализация сводится к действию и бездействию. К проявлениям «действия» можно отнести использование и исполнение. При форме «действия» субъект права, а именно население, совершает какие-либо правовые поступки, предусмотренные конституцией (уставом) субъекта РФ (например, право коллективного обращения в государственные и общественные органы, а также право законодательной народной инициативы, включая право вносить предложения об изменении конституции или устава).

К проявлениям «бездействия» можно отнести соблюдение, так как законодатель требует от субъекта права – населения воздержаться от каких-либо активных действий. Соблюдение права предполагает обычное, но очень

важное для упорядоченности, стабильности общества поведение субъектов права. Именно в этом смысле говорится о законопослушных гражданах, которые воздерживаются от действий (или бездействия), нарушающих нормы права. Соблюдение – это пассивная форма реализации права, осознанное или неосознанное поведение по привычке: «так поступают все свои», «так положено» и т.п. Пассивная в том смысле, что не требует от субъекта каких-либо активных действий в правовой сфере. Просто соблюдаются известные принципы или нормы правового поведения – и этим соблюдается право [Венгеров 2005: 262].

Совокупность правовых средств, обеспечивающих надлежащее претворение конституционных предписаний, запретов и дозволений в конкретных конституционных правоотношениях, составляет юридический механизм реализации конституции (устава), в который включаются конституционные нормы.

Особая важность регулируемых конституцией (уставом) общественных отношений, необходимость обеспечения ее верховенства в системе правовых актов, соответствия иных актов и их норм нормам конституции (устава) требует и ее особой правовой охраны.

Говоря об осуществлении правовой охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации, необходимо учесть форму государственного устройства. В государствах с федеративной формой государственного устройства (Россия, США, Германия, Австралия, Индия и др.) наряду с общефедеральной конституцией действуют и учредительные акты субъектов федерации. Таким образом, здесь мы имеем два вида систем правовой охраны конституции: во-первых, правовой охраны общефедеральной конституции и, во-вторых, правовой охраны конституции каждого субъекта федерации. Каждая из этих систем решает свои конкретные задачи. Вместе с тем они выполняют общую задачу, без решения которой невозможно нормальное, реальное, прогрессивное функционирование федеративного государства. Такой задачей является обеспечение единства всего законодательства, гармонично

сочетающего интересы как федерации в целом, так и ее отдельных субъектов.

Термин «правовая охрана конституции» применяется в научной литературе давно. В научной литературе советского периода традиционно говорилось об «охране Конституции». Замета термина «охрана» термином «защита» имела лингвистический или стилистический характер. В целом можно считать данные термины синонимами. Однако известное различие между ними можно провести по следующим основаниям. Охрана конституции осуществляется путем установления в самой конституции, в законах и иных нормативных правовых актах мер профилактики и способов выявления конституционных нарушений, мер их пресечения, средств защиты и мер конституционной и иной ответственности в целях восстановления нарушенных конституционных установлений и наказания виновных за конституционные нарушения. Защита конституции непосредственно связана с активными действиями как потерпевших от конституционных нарушений, так и уполномоченных компетентных органов и должностных лиц по применению разнообразных по назначению мер юридической ответственности к тем, кто совершил конституционные нарушения. Таким образом, защита составляет часть охраны конституции. Правозащитная деятельность завершает достижение конечной цели правоохранительной деятельности.

В науке конституционного права выделяют две формы правовой охраны Конституции: конституционный контроль и конституционный надзор. В отечественной литературе выработаны критерии для различия надзора и контроля. В частности, надзирающий орган не может вмешиваться в текущую деятельность органов, должностных лиц, в отношении которых осуществляется надзор, а именно отменять акты, хотя в определенных случаях надзирающий орган может приостанавливать такую деятельность. Полномочия по контролю могут включать в себя некоторые действия этого рода. Конституционный надзор, с одной стороны, осуществляется специальными органами (прокуратура, омбудсмены), с другой стороны, является обязанностью всех

органов государства и должностных лиц. Конституционный контроль, как правило, осуществляют специализированные органы – конституционные суды.

Можно сказать, что правовая охрана конституции (устава) – это комплекс специальных юридических мер, призванных обеспечить надлежащую реализацию конституционных норм, утвердить (или восстановить в случае нарушения) режим конституционной законности. Субъектами охраны конституций (уставов) субъектов Российской Федерации являются органы государственной власти регионального уровня. Особым субъектом охраны выступают конституционные (уставные) суды субъекта Российской Федерации. Данные суды создаются субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации [О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон 1996].

По состоянию на первую половину 2018 год в субъектах Российской Федерации действуют 11 конституционных и 3 уставных суда. Создание в субъектах Российской Федерации конституционных (уставных) судов содействует развитию гражданского общества, укреплению российского федерализма. Конституционные (уставные) суды являются гарантом Конституции РФ на территории субъекта. Профессор Ж.И. Овсепян призывает к необходимости создания в каждом регионе конституционного (уставного) суда, что необходимо для стимулирования законодательной деятельности субъектов РФ, предупреждения «накопления» внутренних противоречий в системе законодательства субъектов РФ, обеспечения надлежащего уровня юридической техники [Овсепян 2001: 73].

При этом, загруженность конституционных (уставных) судов является небольшой. Некоторые суды не выносят ни одного решения в течение длительного периода времени, но при этом получают бюджетное

финансирование. В связи с это было бы актуально создание конституционного (уставного) суда в регионе в качестве органа, действующего на непостоянной основе, созываемого по необходимости.

Говоря о структуре механизма охраны конституции, необходимо остановиться на характеристике его субъектного компонента. Нельзя недооценивать роль граждан и их объединений как участников охранительных правоотношений, имеющих в качестве своего объекта подлежащие специальной конституционно-правовой охране общественные отношения, в которых находят свое преломление защищаемые конституционные ценности.

В отличие от реализации конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, где население непосредственно принимает участие, охрана осуществляется населением косвенно через уполномоченные органы государственной власти и местного самоуправления. Население осуществляет охрану путем формирования данных органов, то есть участвуя в выборах и референдуме; направления обращений; выступления с законодательной инициативой; участия в публичных манифестациях (митингах, шествиях, пикетированиях).

Таким образом, участие население в правовой охране конституции (устава) носит косвенный характер и осуществляется государством в лице его органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996. Российская газета. 1996. Вып. 3.
2. Конституция Республики Крым от 12.04.2014. Крымские известия. 2014. Вып. 68 (5479).
3. Устав (Основной Закон) Алтайского края от 05.06.1995 г. № 3-3С (ред. от 31.01.2018). Сборник законодательства Алтайского края. 1995. Вып. 127. С. 157.
4. *Авакьян С. А.* Конституционное право России. Норма. Москва, 2014. 864 с.
5. *Аничкин Е. С., Ряховская Т. И.* Прямое действие и применение норм Конституции РФ к вопросу о разграничении понятий. Правоприменение. 2018. № 1. С. 31–39.
6. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. Москва, 2005. 262 с.

7. *Гатаулин А. Г.* Правовые средства охраны конституции. Актуальные проблемы экономики и права. Казань, 2009. Вып. 1. С. 143–146.

8. *Ишеков К. А.* Формы реализации конституций и уставов субъектов Российской Федерации. Вестник Поволжского института управления. Саратов, 2011. С. 20–27.

9. *Морозова Л. А.* Теория государства и права. Российское юридическое образование. Москва, 2010.

10. *Овсепян Ж. И.* Становление конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации (1990–2000 гг.). Юридический вестник ДГУ. Махачкала, 2001. Вып. 3. С. 73–75.

11. *Сергевнин С. Л.* Реализация и охрана конституции: правовые формы и субъекты. Общество и реформы. Санкт-Петербург, 2014. Вып. 3. С. 100–109.

12. *Сергевнин С. Л.* Реализация и охрана конституции: некоторые структурно-функциональные характеристики. Общество и реформы. Санкт-Петербург, 2013. Вып. 5. С. 102–112.

REFERENCES

1. *About the court system of the Russian Federation: federal constitutional law* [О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996]. Rossijskaja gazeta. 1996. Vol. 3.

2. *Constitution of the Republic of Crimea* [Конституция Республики Крым от 12.04.2014]. Krymskie izvestija. 2014. Vol. 68 (5479).

3. *Constitution of the Altai Territory* [Устав (Основной Закон) Алтайского края от 05.06.1995 № 3-3С]. Sbornik zakonodatel'stva Altajskogo kraja. 1995. Vol. 127. P. 157.

4. Avak'jan S. A. *Constitutional law of Russia* [Конституционное право России]. Moscow, 2014.

5. Anichkin E. S., Rjahovskaja T. I. *Direct force and application of rules of the Russian Constitution to a question of differentiation of concepts. Law enforcement* [Прямое действие и применение норм Конституции РФ к вопросу о разграничении понятий. Правоприменение]. Barnaul, Novosibirsk, 2018. Vol. 1. Pp. 31–39.

6. Vengerov A. B. *Theory of state and law* [Теория государства и права]. Moscow, 2005.

7. *Gataulin A. G. Legal means of protection of the constitution. Current problems of economy and law* [Правовые средства охраны конституции. Актуальные проблемы экономики и права]. Kazan', 2009. Vol. 1. Pp. 143–146.

8. Ishekov K. A. *Forms of implementation of constitutions and statutes of the Russian Federation subjects* [Formy realizacii konstitucij i ustavov subjektov Rossijskoj Federacii]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravljenija. Saratov, 2011. Pp. 20–27.

9. Morozova L. A. *Theory of state and law. Russian legal education* [Teorija gosudarstva i prava. Rossijskoe juridicheskoe obrazovanie]. Moscow, 2010.

10. Ovsepjan Zh. I. *Formation of the constitutional and statutory courts in subjects of the Russian Federation (1990–2000)* [Stanovlenie konstitucionnyh i ustavnyh sudov v subjektah Rossijskoj Federacii (1990–2000 gg.)]. Juridicheskij vestnik DGU. Mahachkala, 2001. Vol. 3. S. 73–75.

11. Sergevnin S. L. *Realization and protection of the constitution: legal forms and subjects* [Realizacija i ohrana konstitucii: pravovye formy i subjekty]. Obshhestvo i reformy. St. Petersburg, 2014. Vol. 3. Pp. 100–109.

12. Sergevnin S. L. *Realization and protection of the constitution: some structural-functional characteristics* [Realizacija i ohrana konstitucii: nekotorye strukturno-funkcional'nye harakteristiki]. Obshhestvo i reformy. St. Petersburg, 2013. Vol. 5. Pp. 102–112.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

УДК 34.01, ББК 67. X., ГРНТИ 10.07.61, КОД ВАК 12.00.01

И. Н. Васев

Барнаул, Россия

ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СИСТЕМНЫЙ СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА: ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается природа и значение грамматического способа толкования права. Указывается на его первостепенный характер при интерпретации правового текста. Грамматическое толкование, с точки зрения его структуры, многосложно. Словесная оболочка нормы права при ближайшем рассмотрении оказывается состоящей из нескольких элементов – как минимум, лексического, синтаксического, логического, стилистического. Основной, лексический элемент уясняется с помощью «золотого правила» грамматического толкования: словам и выражениям следует придавать тот смысл, который, во-первых, вытекает из самого нормативно-правового акта, во-вторых, при отсутствии легального определения необходимо исходить из общеупотребимой профессиональной (специальной) практики использования слова, в остальных же случаях стоит прибегать к толковым словарям русского языка (бытовому смыслу). Несмотря на всю значимость грамматического толкования, на основе примеров из действующего законодательства РФ обосновывается его инструментальная ограниченность, не позволяющая интерпретатору выйти за рамки словесной оболочки толкуемой нормы. У толкователя, вооруженного лишь грамматическим способом, нет возможности выйти за границы отдельно взятой синтаксически законченной мысли. Инструментальная ограниченность грамматического толкования должна преодолеваться с помощью иных способов толкования – прежде всего системного, позволяющего обратиться к наднормативному уровню. Особенностью системного толкования, по сравнению с грамматическим, является то, что оно в состоянии осуществить интерпретацию не только исходной нормы, но и иных, связанных с ней норм. Системное толкование исходит из презумпции логического единства закона, а смысловая целостность закона достигается с помощью системосохраняющей функции толкования.

Ключевые слова: толкование права, грамматическое толкование права, системное толкование права, системосберегающая роль толкования.

Сведения об авторе: Игорь Николаевич Васев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Алтайского государственного университета, 656049, Барнаул, проспект Социалистический, д. 68, vasev1986@mail.ru

I. N. Vasev

Barnaul, Russia

GRAMMATICAL AND SYSTEM-BASED APPROACHES TO INTERPRETING THE LAW: THE NATURE OF INTERACTION

The article covers the nature and significance of the grammatical approach to interpreting the law and points out its primary role in interpreting legal texts. Grammatical interpretation has a complex structure. On closer examination, the verbal layer of the law proves to consist of, at least, several components such as lexical, syntactic, logical and stylistic. The basic, i.e. lexical component is clarified with “the golden rule” of grammatical interpretation: firstly, words and expressions should be assigned the meaning implied by a statutory instrument; secondly, in the absence of a legal definition, we should rely upon common professional (special) practice of the word usage; otherwise, we should apply to explanatory dictionaries of the Russian language (i.e. to a common meaning). Regardless of all significance of the grammatical interpretation, examples from the current legislation of the Russian Federation substantiate its lack of instruments that prevents an interpreter from going beyond the verbal layer of an interpreted law. An interpreter aided with a mere grammatical approach has neither desire nor is ability to go beyond the particular syntactically completed utterance. Such lack of instruments in grammatical interpretation should be tackled by other approaches to interpretation. First of all, it is the system-based approach that enables addressing the over-regulatory level. Unlike grammatical interpretation, the system-based approach is able to interpret not only the initial regulation but also other related regulations. System-based interpretation relies on the presumption of a logical unity of law and its meaning integrity is achieved due to the system saving function of interpretation.

Key words: interpretation of law, grammatical interpretation of law, system-based interpretation of law, system saving function of interpretation.

About the author: Igor Nikolayevich Vasev, Doctor of Law, Ass. Prof. of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68. E-mail: vasev1986@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-802

Традиционно те комплексные приемы познания смысла правовых норм, которые существуют в юридической науке, именуют способами толкования права. В современной юриспруденции, как правило, признается объективное существование грамматического, системного, специально-юридического, исторического и функционального, телеологического, герменевтического способов толкования. Каждый из них по-своему, оригинально вскрывает помещенный законодателем в текст правовой нормы смысл.

Неизменно указанный перечень открывается двумя ключевыми способами – грамматическим и системным, логике взаимоотношений которых и уделим более пристальное внимание. Грамматический способ толкования (по-другому, филологический, языковой, словесный) призван осуществить первичную дешифровку смысла правовой нормы средствами языкознания. Совершенно не зря А. В. Смирнов и А. Г. Манукян утверждают, что именно грамматический способ в первую очередь подлежит применению при истолковании нормы права [Смирнов, Манукян 2008: 25], а И. Е. Фарбер, хотя и отрицавший самостоятельность грамматического толкования, все же считал нужным еще в 1959 г. указать, что «знание языка как и обладание нормальной логикой – есть неотъемлемые свойства процесса толкования закона» [Фарбер 1959].

Неустранимость грамматического толкования в первую очередь объясняется тем, что правовой язык является частью русского языка, а значит, и правотолкователь не может проигнорировать сведения, сообщаемые ему языкознанием. Грамматическое толкование, с точки зрения его структуры, многосложно. Словесная оболочка норм при ближайшем рассмотрении оказывается состоящей из нескольких элементов – как минимум, лексического, синтаксического, логического, стилистического. Центр тяжести грамматического толкования при этом располагается в области лексики. Именно выяснение смысла слов и словосочетаний составляет ближайшую задачу толкователя.

На этом этапе и задействуется так называемое *золотое правило грамматического толкования*: словам и выражениям следует придавать тот смысл, который, во-первых, вытекает из самого нормативно-правового акта, во-вторых, при отсутствии легального определения необходимо исходить из общеупотребимой профессиональной (специальной) практики использования слова, в остальных же случаях стоит прибегать к толковым словарям русского языка (бытовому смыслу).

Таким образом, мы видим, что при толковании правового понятия преимущество отдается специальному смыслу перед общим. Например, бытовое понимание «убийства» к одному и тому же классу отнесет и собственно убийство, и самоубийство, и причинение смерти по неосторожности, и правомерное лишение жизни другого лица, предпринятое в рамках необходимой обороны, и даже убийство животного. Но простое обращение к тексту ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса РФ:

«Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, – наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

позволяет нам понять, что уголовный закон далеко не всякое насильственное лишение жизни принимает за убийство. То есть специальный смысл (легальная дефиниция) с необходимостью вытесняет обыденный смысл слова.

Более того, даже при грамматическом толковании собственно убийства (ст. 105 Уголовного кодекса РФ) правоприменитель перед тем, как обратиться к толковому словарю русского языка, должен будет задействовать общеупотребимую профессиональную практику использования слова. В данном случае на помощь юриспруденции придет медицинское знание с его формальным отношением к моменту начала жизни и моменту ее окончания. И лишь в оставшейся не дешифрованной части толкователь обратится к бытовому смыслу использованных в правовом тексте слов.

Такое уяснение смысла, помещенного правотворцем в текст нормы, трудно переоценить. Вся последующая работа с текстом основывается именно на данном первичном результате. Как раз по этой причине большинство авторов и помещает грамматический способ в качестве первого в перечне иных способов толкования. Однако классическая постановка грамматического способа на первое место не должна вводить нас в заблуждение относительно его роли в правотолковании. Первый в числе остальных – вовсе не значит главный, тем более единственный. Какой бы ценной ни была информация, приобретаемая толкователем через обращение к языкознанию, правовой текст все же выделяется среди иных своим специальным смыслом, а значит, и раскрытие этого смысла должно осуществляться с помощью специальных способов.

Приведем пример, демонстрирующий данную мысль. Так, ст. 14 Семейного кодекса РФ содержит в себе, по сути, легальную дефиницию «близких родственников» – это родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. Очевидно, что супруги, как не состоящие вообще в родстве, не относятся и к числу близких родственников. Усложним пример за счет добавления в него уголовно-процессуальной нормы. Ч. 5 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Осмотр трупа. Эксгумация» устанавливает:

«Расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном статьей 131 настоящего Кодекса».

Согласно вышеприведенной легальной дефиниции Семейного кодекса РФ, двоюродные братья и сестры приобретают право на возмещение расходов по эксгумации, а супруг – нет. При таком взгляде на смысл приведенной нормы, очевидно, нарушается логика мысли законодателя.

Тем более мы будем введены в сомнение, если также обратимся к ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Основные понятия»:

«4) близкие родственники – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки...

37) родственники – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве».

Уголовно-процессуальный закон, в отличие от семейного, прямо относит супругов к числу близких родственников. Такая трактовка понятия зримо противоречит и обыденному значению слова «родственники». Очевидно, что силами грамматического способа толкования не решить поставленной задачи, так как «золотое правило» никак не разрешает возможного противоречия между двумя легальными дефинициями.

Поэтому результаты, полученные с помощью грамматического толкования, с необходимостью должно проверять за счет привлечения иных способов толкования права. И в первую очередь таким проверочным инструментом выступает системный способ толкования. Он предполагает, что:

1) изучаемое нами явление (норма права, статья закона, институт законодательства и пр.) рассматривается в качестве системы, в которой составляющие элементы на основе взаимодействия интегрируются в образования более сложного порядка;

2) совокупность свойств всех элементов системы не есть свойство системы в целом (количество перерастает в качество);

3) качества, присущие всей системе, присущи и отдельным ее элементам. Так, если уголовное право провозглашает своим принципом гуманизм, то ни одна из норм уголовного права не может не отвечать этому принципу;

4) система динамична. Изменения на элементарном уровне могут привести к изменениям на уровне системном. Например, 25 июня 1998 г. в текст ч. 2 ст. 24 Уголовного кодекса РФ было добавлено лишь одно слово

«только», однако смысл нормы и даже всей Особенной части Уголовного кодекса РФ кардинально изменился:

«Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Получается, данным добавлением законодатель криминализировал те деяния, в отношении которых о форме вины ничего не сказано в конкретной статье Особенной части Уголовного кодекса РФ либо в отношении которых допускается возможность преступления с двумя формами вины.

Таким образом, особенностью системного толкования по сравнению с грамматическим является то, что при таком интерпретируется не только исходная норма, но и иные, связанные с ней нормы. Системное толкование исходит из презумпции логического единства закона. Существующие в законе противоречия и пробелы при этом воспринимаются как отступление от общего правила. «Предпосылкой систематического толкования является презумпция отсутствия пробелов (Lückenlosigkeit) положительного права и связанная с ней вера в безграничную «логическую растяжимость» понятий закона (logische Expansivität)» [Люблинский 1917: 84].

В итоге под системным способом толкования нормы права необходимо понимать совокупность приемов, использование которых, основанное на сопоставлении двух или более норм, позволяет раскрыть системный смысл толкуемой нормы. «Причем настоящий смысл закона противопоставляется слишком узкому или слишком широкому выражению его в слове, частью распространением по аналогии, которое заключает в себе дальнейшее образование самого права, показывая, что определение закона ложно связано с несущественным признаком, с отдельным видом вместо рода и что следовательно узкие границы, в которых оно само себя заключило, должны быть расширены» [Иеринг 1875: 27].

В вышеприведенном примере системный способ толкования потребует от нас разграничения круга общественных отношений, регламентируемых каждой

из двух отраслей (семейное и уголовно-процессуальное право) права (предмет отрасли). При такой постановке вопроса окажется, что легальные дефиниции ст. 14 Семейного кодекса РФ и ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ вовсе не находятся в состоянии несоответствия. Каждая из этих статей призвана урегулировать отношения, входящие в предмет ее отрасли права. А потому в области семейного права мы, действительно, не будем рассматривать супругов в качестве близких родственников, в то время как в уголовно-процессуальном праве те же самые лица приобретают статус близких родственников (например, при переходе прав потерпевшего в случае убийства к другому супругу).

На этом применение системного способа толкования к приведенному случаю не ограничивается. Мы уже указали на то, что одно только грамматическое толкование ч. 5 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Осмотр трупа. Эксгумация» приводит нас к выводу, что двоюродные братья и сестры приобретают право на возмещение расходов по эксгумации, а супруг – нет, что видимо нарушает логику закона. Обнаруженная неточность закона становится еще более явной, если мы обратимся к тексту ч. 3 той же ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса РФ:

«При необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Постановление обязательно для администрации соответствующего места захоронения. В случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом».

Как видим, несколькими строками выше законодатель вовсе не «забыл» упомянуть наряду с родственниками и близких родственников.

Системное толкование предполагает, что ни одна норма права не может восприниматься изолированно. В современной юриспруденции все чаще встречается указание на системосохраняющую функцию толкования права [Толстик, Дворников, Каргин 2010]. Например, Уголовный кодекс РФ, устанавливая возможность предоставления отсрочки отбывания наказания

матери до достижения ребенком возраста 14 лет (ст. 82), ничего не говорит насчет отпадения оснований предоставления такой отсрочки: ребенок не родился (ложная беременность); родился мертвым; родился живым, но не дожил до 14 лет и пр. Уголовный кодекс РФ совершенно безмолвствует насчет сомнения, сохранять предоставленную отсрочку или нет? Системосохраняющий подход к праву в данном случае, несомненно, подразумевает отмену отсрочки. Р. Иеринг писал: «Система есть неиссякаемый источник нового материала». То есть, юриспруденция, постоянно выявляя новые системные связи (коллизии), вынуждена находиться в состоянии постоянного бодрствования разума» [Иеринг 1875: 28].

Все вышесказанное приводит нас к мысли, что в интересующей нас ч. 5 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса РФ под «родственниками» вопреки легальной дефиниции (ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ), в пику грамматическому способу и даже обыденному смыслу слова необходимо понимать не только собственно родственников, но и близких родственников, а в числе последних – и супругов.

Таким образом, логика взаимодействия грамматического и системного толкования норм права может быть кратко описана следующим образом: занимаемое грамматическим способом первое в ряду иных место вовсе не означает самодостаточности и первенства данного толкования. Оно по определению ограничено рамками той словесной оболочки, в которую обличено конкретное предложение правового текста. За границы отдельно взятой синтаксически законченной мысли толкователь, вооруженный лишь грамматическим способом, не то, что не будет, но и не может выходить. Такая инструментальная ограниченность грамматического толкования должна преодолеваться с помощью иных способов толкования – прежде всего системного, позволяющего выйти на наднормативный уровень. «Системный» смысл нормы права, тем самым, первенствует по отношению к «грамматическому».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. Санкт-Петербург, 1875.
2. *Люблинский П. И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917.
3. *Смирнов А. В., Манукян А. Г.* Толкование норм права. Москва, 2008.
4. *Толстик В. А., Дворников Н. Л., Каргин К. В.* Системное толкование норм права. Москва, 2010.
5. *Фарбер И. Е.* О сущности права. Саратов, 1959.

REFERENCES

1. *Jhering R.* *The Spirit of the Roman Law at the Various Stages of Its Development* [Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh yego razvitiya]. St. Petersburg, 1875.
2. *Lyublinskiy P. I.* *Technique, Interpretation and Casuistry of the Criminal Code* [Tekhnika, tolkovaniye i kazuistika ugovnogo kodeksa]. Petrograd, 1917.
3. *Smirnov A. V., Manukyan A. G.* *Interpretation of Law* [Tolkovaniye norm prava]. Moscow, 2008.
4. *Tolstik V. A., Dvornikov N. L., Kargin K. V.* *System Interpretation of Law* [Sistemnoye tolkovaniye norm prava]. Moscow, 2010.
5. *Farber I. Ye.* *About the Essence of Law* [O sushchnosti prava]. Saratov, 1959.

УДК 347.9, ББК 67.410, ГРНТИ 10.31.01, КОД ВАК 12.00.15

И. В. Рехтина, М. А. Боловнев

Барнаул, Российская Федерация

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются вопросы использования и применения при рассмотрении гражданских дел оценочных понятий, закрепленных как в тексте нормативных актов, так и в доктрине. Установлено, что отсутствие нормативных ориентиров или конкретизации понятия в актах высших судебных органов приводит к противоречивым судебным постановлениям, нарушает единообразие судебной практики и снижает уровень гарантий судебной защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов. Авторами производится классификация и общая характеристика категорий, не имеющих определенного содержания. Выделяется три группы оценочных понятий: оценочные категории, имеющие конкретизацию, общее толкование непосредственно в нормах процессуального кодекса; оценочные понятия, не имеющие нормативного определения, однако раскрывающиеся и конкретизирующиеся в актах высших судебных органов Российской Федерации; оценочные категории, не имеющие расшифровки ни в процессуальных нормах, ни в судебной практике. В статье подчеркивается, что при установлении единообразия в применении оценочных категорий на практике будут сведены к минимуму правовые коллизии, пробелы и противоречия, множественность которых подрывает авторитет судебной власти и нарушает право на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: гражданский процесс, оценочное понятие, справедливость, разумность, добросовестность.

Сведения об авторе: Ирина Владимировна Рехтина, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656031, Барнаул, пр-т Ленина, 61. E-mail: jerdel80@mail.ru.

Сведения об авторе: Михаил Алексеевич Боловнев, ст. преподаватель кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета. 656031, Барнаул, пр-т Ленина, 61. E-mail: slovak92@mail.ru.

I. V. Rekhtina, M. A. Bolovnev

Barnaul, Russian Federation

EVALUATIVE CONCEPTS IN THE CIVIL PROCESS

The article discusses the use of evaluative concepts in civil proceedings, as fixed both in the texts of normative acts and in doctrine. It has been proved that the absence of normative guidelines or concretization of the notion in acts of higher judicial agencies leads to contradictory judicial decisions, violates the uniformity of judicial practice and reduces guarantees for judicial protection of violated rights and safeguards. The authors classify and give general characteristics of categories that have blurred content. There are three groups of evaluative concepts: evaluative categories that are specified in the norms of the procedural code; evaluative concepts that do not have a normative definition, but are disclosed and specified in judicial acts of the highest judicial bodies of the Russian Federation; evaluation categories that are not disclosed both in procedural norms and judicial practice. The article emphasizes that established uniformity in the application of evaluation categories will minimize legal conflicts, gaps and contradictions, the multitude of which undermines the authority of the judicial power and violates the right for a fair trial.

Key words: civil process, evaluative concept, justice, rationality, fair practice.

About the author: Irina Vladimirovna Rehtina, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Process of Altai State University. 656031, Barnaul, Lenin Avenue, 61. E-mail: jerdel80@mail.ru

About the author: Mikhail Alekseevich Bolovnev, Sn. Lecturer of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Process, Altai State University. 656031, Barnaul, Lenin Avenue, 61. E-mail: slovak92@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-803

Несмотря на жесткую регламентацию гражданских процессуальных отношений, обусловленную требованиями гражданской процессуальной формы [Осокина 2008: 108], их вариативность и разнообразие детерминируют наличие в нормах процессуальных отраслей права оценочных понятий и категорий. С одной стороны, данное обстоятельство повышает самостоятельность судей в выборе варианта поведения в тех или иных случаях и, соответственно, расширяет возможности применения судебного усмотрения, с другой – усложняет процесс правоприменения, поскольку допускает возможность

разрешения различных ситуаций, возникающих в процессе, разнообразными, иногда противоположными способами.

Следует подчеркнуть, что законодатель не приветствует использование взаимоисключающих, диаметрально противоположных подходов при разрешении типичных процессуальных случаев с использованием оценочных категорий. Свобода судебного усмотрения при толковании оценочных понятий имеет определенные рамки и пределы, которые могут быть установлены законодательно, официальной судебной практикой, правовой доктриной.

Анализ норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) позволил выявить значительное количество оценочных категорий, что отчасти обусловлено разнообразием материальных и процессуальных отношений. Проведенный мониторинг имеющихся оценочных понятий позволил условно разделить их на три группы:

Первая группа – это оценочные категории, имеющие конкретизацию, общее толкование непосредственно в нормах процессуального кодекса, что способствует унифицированному их применению судьями (уважительность пропуска процессуального срока, необходимые доказательства, существенные нарушения норм права, фундаментальные нарушения норм права и др.).

Так, в ч. 4 ст. 112 ГПК РФ указывается, что пропущенный процессуальный срок, установленный соответственно ч. 2 ст. 376, ч. 2 ст. 391.2 и ч. 2 ст. 391.11, может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и другое).

Дополнительно данный вопрос конкретизируется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции», где указывается, что для лиц, участвующих в деле, к уважительным причинам пропуска указанного срока, в

частности, могут быть отнесены: обстоятельства, связанные с личностью лица, подающего апелляционную жалобу (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.); получение лицом, не присутствовавшим в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, копии решения суда по истечении срока обжалования или когда времени, оставшегося до истечения этого срока, явно недостаточно для ознакомления с материалами дела и составления мотивированных апелляционных жалобы, представления; неразъяснение судом первой инстанции в нарушение требований ст. 193 и ч. 5 ст. 198 ГПК РФ порядка и срока обжалования решения суда; несоблюдение судом установленного ст. 199 ГПК РФ срока, на который может быть отложено составление мотивированного решения суда, или установленного ст. 214 ГПК РФ срока высылки копии решения суда лицам, участвующим в деле, но не присутствовавшим в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, если такие нарушения привели к невозможности подготовки и подачи мотивированных апелляционных жалобы, представления в установленный для этого срок.

Вторая группа – оценочные понятия, не имеющие нормативного определения, однако раскрывающиеся и конкретизирующиеся в актах высших судебных органов Российской Федерации: постановлениях Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), постановлениях Пленума Верховного суда РФ (далее – Пленума ВС РФ), постановлениях Президиума и Судебных коллегий Верховного суда РФ (злоупотребления процессуальным правом, разумный срок, разумные пределы, внутреннее убеждение судьи, соразмерность мер обеспечения иска и др.).

Одним из таких примеров является критерий «разумности» при возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя. В ч. 1 ст. 100 ГПК РФ содержится общее указание о том, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах. Однако, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О

некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» конкретизируется, что разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства. Разумность судебных издержек на оплату услуг представителя не может быть обоснована известностью представителя лица, участвующего в деле.

Другим примером является понятие «злоупотребление процессуальным правом» и используемые для его квалификации критерии добросовестности и разумности. Так, ст. 35 ГПК РФ без какой-либо конкретизации устанавливает, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. При этом критерии для квалификации поведения в качестве такового в нормах ГПК РФ отсутствуют.

Конкретизация данного оценочного явления содержится в ряде постановлений КС РФ, который не только использует в своих актах понятия «злоупотребления правами», «злоупотребления процессуальными правами», регулярно обращая внимание на недопустимость злоупотреблений, но и применяет критерии «добросовестности» и «разумности» к конкретным обстоятельствам дела при рассмотрении жалобы.

Например, в п. 3 Постановления КС РФ от 22.06.2017 г. № 16–П, где анализируется ситуация об истребовании имущества его собственником у добросовестного приобретателя, указано, что «предписывая пределы осуществления гражданских прав, ст. 10 ГК РФ устанавливает, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагается (п. 5), а используемое в п. 1 ст. 302 оценочное понятие «добросовестный приобретатель» определено в самой норме – это приобретатель, который не знал и не мог знать, что лицо, у которого

приобретено имущество, не имело права его отчуждать. Вместе с тем поскольку зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке, то и добросовестность приобретателя спорного имущества, зарегистрированное право на которое предполагается, может быть опровергнута только в результате рассмотрения конкретного дела».

Одновременно с акцентированием внимания на недопущении недобросовестной реализации участниками различных групп отношений своих прав, Конституционным Судом РФ неоднократно подчеркивалась взаимосвязь оценочных категорий «злоупотребление правом» и критериев «добросовестность и разумность» с иными оценочными понятиями и явлениями. Например, в ряде решений Конституционного Суда РФ обращается внимание на зависимость категорий «надлежащая заботливость», «разумная осмотрительность» участников гражданского оборота от понятия «добросовестности» их поведения. Тем самым подтверждается не только особая значимость надлежащего толкования разнообразных оценочных понятий, но и, как правило, одновременное использование оценочных категорий в совокупности и неразрывной связи.

В своем постановлении от 22.04.2013 № 8-П Конституционный Суд РФ указывает на взаимосвязь категории «злоупотребление правом» с принципами равенства и соразмерности, требованиями формальной определенности, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств, а также на зависимость средств ограничения избирательных прав от критериев «чрезмерности», «необходимости», «значимости», «ценности».

Третья группа – оценочные категории, не имеющие расшифровки ни в процессуальных нормах, ни в судебной практике. Такие оценочные понятия имеют только научное толкование и определение. Исключительно доктринальные оценочные понятия представляют самые сложные и противоречивые случаи их применения в гражданском судопроизводстве, поскольку единственным ориентиром для судьи при применении конкретного

оценочного явления являются принципы цивилистического процесса, а также высказывания и комментарии видных ученых-правоведов (правовая доктрина).

Например, к законодательно установленным требованиям законности и обоснованности судебного решения доктринально выработаны дополнительные требования: полнота как необходимость содержания в решении ответов на все заявленные требования и возражения лиц, участвующих в деле; определенность как ясное выражение в решении выводов суда об удовлетворении или неудовлетворении иска, определение прав и обязанностей сторон; безусловность как невозможность поставить исполнение решения в зависимость от наступления определенного условия [Ярков 2014: 214].

К третьей группе оценочных понятий относится категория «судебное (судейское) усмотрение», которое раскрывается в научных исследованиях и монографиях. Так, А. Т. Боннер понимает судебное усмотрение как деятельность суда по отысканию наиболее оптимального решения в общих рамках закона, которая обусловлена поставленными перед судом задачами, соответствует интересам государства и общества и основана на познании объективной действительности [Боннер 1979: 35].

О. А. Папкова под судебским усмотрением понимает урегулированный нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали [Папкова 2005: 318].

Практика применения в рамках гражданского судопроизводства оценочных категорий свидетельствует, что отсутствие нормативных ориентиров или конкретизации понятия в актах высших судебных органов приводит к противоречивым судебным постановлениям, нарушает единообразие судебной практики и снижает уровень гарантий судебной защиты

нарушенных прав и охраняемых законом интересов. В связи с этим законодателю при включении в процессуальные кодексы нормы, содержащей оценочную категорию, следует в общих чертах ее конкретизировать непосредственно в нормах ГПК РФ, либо рекомендовать Верховному Суду РФ сформулировать соответствующее разъяснение по данному вопросу. Непродуманное принятие процессуальных норм, содержащих оценочные понятия, порождает на практике правовые коллизии, пробелы и противоречия, множественность которых подрывает авторитет судебной власти и нарушает право на справедливое судебное разбирательство.

В заключении уместно процитировать Р. фон Иеринга, который при формулировании законов юридической конструкции писал: «Чем проще конструкция, тем более совершенна она, то есть тем она нагляднее, прозрачнее, естественнее; и здесь в наивысшей простоте сказывается наивысшее искусство» [Иеринг 2008: 91].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. М., 2014.
2. Боннер А. Т. Советский закон и судебное усмотрение. Советское государство и право. 1979. № 6. С. 46–52.
3. Иеринг Р. Юридическая техника. М., 2008.
4. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2008.
5. Папкина О. А. Усмотрение суда. М., 2005.

REFERENCES

1. *Arbitration process: textbook* / Ed. V. V. Yarkov [Arbitrazhnyj process: uchebnik]. Moscow, 2014.
2. Bonner A. T. *Soviet law and judicial discretion* [Sovetskij zakon i sudebnoe usmotrenie]. Soviet state and law. 1979. № 6. Pp. 46–52.
3. Iering R. *Law machinery* [Yuridicheskaya tekhnika]. Moscow, 2008.
4. Osokina G. L. *The civil process. General part* [Grazhdanskij process. Obshchaya chast']. Moscow, 2008.
5. Papkova O. A. *Court review* [Usmotrenie suda]. Moscow, 2005.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

УДК 340, ББК 67.0, ГРНТИ 10.07, КОД ВАК 12.00.01

А. А. Васильев, Д. Шпоппер, М. Х. Матаева

Барнаул, Россия; Гданьск, Польша; Семей, Казахстан.

ТЕРМИН «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются юридические аспекты использования технологии искусственного интеллекта. Авторами отмечается слабое нормативное регулирование применения искусственного интеллекта в России с учетом активного и повсеместного внедрения данной технологии в различных сферах жизни. Разработки в сфере искусственного интеллекта поднимают очень серьезные вопросы этического и правового порядка. Среди юридических требуют решения такие вопросы, как природа искусственного интеллекта, наличие правосубъектности, проблема ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, влияние на юридическую профессию и т.п. Особое внимание в работе уделено необходимости выработки юридического понятия искусственного интеллекта в целях построения эффективной модели правового регулирования. В статье анализируются подходы к определению искусственного интеллекта в специальной и юридической литературе. Отмечается использование таких понятий, как нейронные сети, машинное обучение, сверхразум, суперкомпьютеры. Отдельно упоминаются попытки легальных определений в Южной Корее и Европейском союзе. По итогам исследования авторами предложены следующие признаки искусственного интеллекта: наличие технического устройства или киберфизической системы; способность к принятию, обработке и передаче информации; способность к автономной работе; самообучение на основе анализа информации и приобретенного опыта; самосознание; мышление и способность к принятию самостоятельных решений.

Ключевые слова: юридическая техника, информационное общество, цифровая экономика, искусственный интеллект, роботы.

Сведения об авторе: Антон Александрович Васильев, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Социалистический 68, к. 315. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Сведения об авторе: Дариуш Шпоппер, доктор юридических наук, заведующий кафедрой истории государства и права Польского, истории политико-правовых доктрин Варминско-Мазурского университета, г. Ольштын. 656049, Барнаул, пр. Социалистический 68, к. 315. E-mail: dar.szproper@gmail.com

Сведения об авторе: Майгуль Хафизовна Матаева, доктор юридических наук, проректор по научной работе и коммерциализации научных технологий Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, г. Семей, Казахстан. 656049, Барнаул, пр. Социалистический 68, к. 315. E-mail: maigulm@mail.ru

A. A. Vasilyev, D. Shpopper M. X. Mataeva

Barnaul, Russia, Olshtun, Poland, Semey, Kazakhstan

THE TERM «ARTIFICIAL INTELLIGENCE» IN THE RUSSIAN LAW: DOCTRINAL ANALYSIS

The article deals with the legal aspects of the use of artificial intelligence technology. The authors note a weak statutory regulation of the use of artificial intelligence in Russia, taking into account the active and widespread introduction of this technology in various spheres of life. Developments in the field of artificial intelligence raise very serious ethic and legal issues. Several legal issues, such as the nature of artificial intelligence, the existence of legal personality, the problem of liability for damage caused by artificial intelligence, the impact on the legal profession, etc., need to be addressed. Particular attention is paid to the need of developing a legal concept of artificial intelligence in order to build an effective model of legal regulation. The article analyzes approaches to the definition of artificial intelligence in special and legal literature. The use of such concepts as neural networks, machine learning, super intelligence, supercomputers is noted. Special attention is given to the attempts of legal definitions in South Korea and the European Union. According to the results of the study, the authors proposed the following features of artificial intelligence: the presence of a technical device or cyberphysical system; ability to receive, process and transfer information; ability to work autonomously; self-learning based on the analysis of information and experience; self-awareness; thinking and the ability to make independent decisions.

Key words: legal writing, information society, digital economy, artificial intelligence, robots.

About the author: Anton Aleksandrovich Vasilyev, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68, office 315. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

About the author: Dariusz Shpopper, Doctor of Law, Head of the Department of the History of State and Law of Poland, History of Political and Legal Doctrines of the Warmia-Mazury University, Olsztyn. E-mail: dar.szpopper@gmail.com

About the author: Maygul Hafizovna Mataeva, Doctor of Law, Vice-Rector for scientific work and commercialization of scientific technologies of Kazakh Humanitarian and Law Innovation University, Semey, Kakhastan. E-mail: maigulm@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-804

Научно-техническая революция в XXI веке приобрела новые очертания в сфере цифровых технологий. В сфере программирования одним из достижений стали разработки в сфере искусственного интеллекта и робототехники. При серьезном потенциале в использовании искусственного интеллекта в различных областях жизнедеятельности остаются слабо изученными этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта. Без преувеличения можно утверждать, что правовые системы на текущий момент безнадежно отстали от развития технологии искусственного интеллекта. Более того, реальное применение искусственного интеллекта практически не обеспечено должной международно-правовой и национальной нормативной основой. Вопросы использования «умных роботов» лишь спорадически регулируются в отдельных государствах мира – Германии, Южной Кореи, Франции. В ЕС принята резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике» от 16.02.2017 г. Единственным исключением в России выступает так называемый «закон Гришина» – проект федерального закона «О робототехнике», разработанный юридической фирмой Dentons. В план работы Государственной Думы Российской Федерации на 2018 год включено рассмотрение вопроса о разработке проекта закона о робототехнике. Фактически термин «искусственный интеллект» встречается лишь в трех нормативных правовых актах стратегического характера в сфере развития цифровой экономики. Что

симптоматично, в одном из этих документов в число задач на 2019 год входит решение вопросов правового регулирования при использовании роботехники и искусственного интеллекта. При этом искусственный интеллект уже активно внедряется в различные сферы жизнедеятельности человека: беспилотные летательные аппараты, беспилотный наземный транспорт, нейронные сети для работы в сфере бухучета, прогнозирования диагноза больных, выполнение целого ряда юридических услуг (составление договоров, исков и прочих документов).

Среди юридических аспектов использования искусственного интеллекта можно назвать следующие:

Во-первых, отсутствует четкая юридическая дефиниция искусственного интеллекта, что сдерживает решение иных юридических вопросов: правосубъектность искусственного интеллекта, ответственность за вред, причиненный при использовании искусственного интеллекта, технические регламенты работы искусственного интеллекта. Для должного определения можно бы было опереться на понимание искусственного интеллекта в специальных науках.

При этом само словосочетание «искусственный интеллект» довольно часто встречается в правовых актах России стратегического характера в сфере развития цифровых технологий, но определений данного понятия в российском законодательстве нет до сих пор. Так, в программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г., технология искусственного интеллекта обозначена как одна из приоритетных сквозных технологий для решения вопросов обработки больших данных, распознавания объектов и интеллектуального поиска.

Во-вторых, возникает вопрос о возможности признания за искусственным интеллектом качеств субъекта права [Архипов, Наумов 2017: 51]. Здесь возможно два варианта. В первом случае искусственный интеллект понимается всего лишь как техническое средство с правовым режимом вещи. Во втором

случае за ним признается статус электронного лица по аналогии с юридическим лицом через использование приема правовой фикции. Оба варианта не в полной мере адекватны. Квалификация искусственного интеллекта как объекта права не учитывает наличие некой субъектности – способности к мышлению и принятию самостоятельных решений. Во втором случае поднимается более глубокий вопрос мировоззренческого порядка: искусственный интеллект – это личность, подобная человеку. От решения данного вопроса зависит модель правового регулирования, начиная с возможности вступления в правоотношения и до возложения на такой интеллект юридической ответственности. При этом очевидно, что для приобретения искусственным интеллектом статуса субъекта права необходимо наличие у него такого качества, как воля. Искусственный интеллект волевой способностью не обладает. Поэтому наделение правосубъектностью искусственного интеллекта в любом случае будет фикцией.

Соответственно, третий аспект применения искусственного интеллекта поднимает проблему ответственности за вред, причиненный таким интеллектом. В юридической литературе обсуждаются различные модели возложения деликтной ответственности:

- на обладателя прав на устройство, снабженное искусственным интеллектом;
- на разработчика программного обеспечения;
- на оператора, обслуживающего искусственный интеллект.

Вполне вероятной является возможность применения к искусственному интеллекту конструкции источника повышенной ответственности, при которой за вред, причиненный таким объектом, возмещение вреда наступает без учета вины собственника объекта.

Следует отметить, что искусственный интеллект ставит вопрос о судьбе самой юридической профессии. Искусственный интеллект вполне способен выполнять типичные юридические действия по заданному алгоритму: составление сделок, исковых заявлений и пр. Крупные компании в России, в

том числе Сбербанк, ВТБ, планируют широко использовать нейронные сети для выполнения такого рода работы. Естественно, в принципе заменить человека искусственный интеллект не может, поскольку не рассчитан на решение нестандартных ситуаций с учетом сугубо человеческих свойств – совесть, справедливость, милосердие и пр. Хотя ведущие разработчики в сфере искусственного интеллекта серьезно заявляют о том, что загруженные базы данных (законодательство, судебная практика, доктринальные источники) для нейронных сетей позволят искусственному интеллекту сформулировать и применить принципы права. Основываясь на результатах эксперимента по анализу решений ЕСПЧ искусственным интеллектом, американские исследователи полагают, что он способен предсказывать решения судов. В 79% случаев искусственный интеллект смог предсказать решение ЕСПЧ на основе изучения материалов дела [Aletras, URL]. В России ряд крупных корпораций тестирует нейронные сети на предмет выполнения искусственным интеллектом тех же видов работы, что и профессиональные юристы. В рамках Петербургского юридического форума 2018 года состоялось состязание нейронной сети и юриста-практика.

Таким образом, краткий обзор сфер и вопросов, связанных с применением искусственного интеллекта, ставит вопрос о приоритетном разрешении проблемы определения понятия «искусственный интеллект» и его фиксации в правовых текстах. При этом следует обратить внимание на ряд осложнений в решении данного вопроса:

- в науке отсутствует общепринятое определение базового термина «естественный (человеческий) интеллект», который воспринимается как ведущее свойство человеческой природы. При этом интеллект зачастую связывают с таким свойством как мышление;
- в специальной литературе нет единства в понимании искусственного интеллекта, и наряду с этим термином используют понятия «машинное обучение», «нейронный сети» и т.п.

Следует отметить, что ученые различают два термина – «слабый искусственный интеллект» и «сильный искусственный интеллект». Слабый искусственный интеллект понимается как умная машина для решения частных задач (например, разработка сценариев для кинофильмов), тогда как сильный искусственный интеллект используется для решения широкого спектра задач [Морхат 2017: 43–44].

В многообразии определений искусственного интеллекта можно выделить следующие основные направления:

- искусственный интеллект как система, которая действует подобно человеку с аналогичными когнитивными способностями;
- искусственный интеллект как система (устройство), обладающая хотя бы одним из свойств человеческого разума;
- искусственный интеллект как сверхразум, как система, превосходящая интеллектуальные способности человека [Бостром 2016: 56];
- искусственный интеллект как научное направление, изучающее возможность использования систем (устройств) для моделирования человеческого мышления (машинное обучение).

Интересное определение предлагают А. В. Понкин и А. И. Редькина: «искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия». Эта кибернетическая система обладает рядом свойств: субстантивность (субъектность и способность совершенствоваться); высокоуровневая способность воспринимать информацию, принимать решения и их исполнять, анализировать собственный опыт; способность адаптироваться к внешней среде, выполнять когнитивные

функции (творческие, аналитические), способность к самосознанию [Понкин, Редькина 2018: 94–95].

Близкого определения придерживается П. М. Морхат: «искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделенная/обладающая способностями и возможностями:

антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающие и смысловоспринимающее) мышление, анализ и оценка;

- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения;
- самоподдержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска (genetic algorithm – эвристический алгоритм поиска, с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации), накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения (в том числе – на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем [Морхат 2017: 69].

В законодательстве ряда зарубежных стран предприняты попытки определения термина «искусственный интеллект». Так, в резолюции

Европарламента «нормы гражданского права о робототехнике» от 17 февраля 2017 г. отмечается необходимость выработки общих понятий таких терминов, как «киберфизические системы», «умные автономные роботы» с учетом следующих признаков:

- 1) способность быть автономными и обмениваться данными;
- 2) способность к обучению на основе приобретенного опыта;
- 3) наличие минимальной физической поддержки;
- 4) способность адаптации к внешней среде;
- 5) отсутствие жизни.

В Южной Корее еще в 2008 году был принят закон «О содействии развитию и распространению умных роботов». В законе предлагается следующее определение умного робота: механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно.

Анализ существующих подходов к понятию «искусственный интеллект» позволяет выделить следующие признаки:

- наличие технического устройства (киберфизической системы), способного воспринимать информацию и передавать ее;
- определенная степень автономной работы без человеческого участия (субъектность) при отсутствии жизни такой системы;
- способность к анализу, обобщению информации, выработке интеллектуальных решений на основе изученных данных (мышление), самосознанию;
- способность к обучению, самостоятельному поиску информации и принятию на основе этой информации решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архинов В. В., Наумов В. Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике. Труды СПИИРАН. 2017. № 6.

2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М., 2016.

3. Морхат П. М. Искусственный интеллект. Правовой взгляд. М., 2017.

4. Понкин А. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. С. 91–109.

5. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoțiuc-Pietro D., Lampos V. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective. Peer J Computer Science. URL: <https://peerj.com/articles/cs-93/>

REFERENCES

1. Arkhipov V. V. Naumov V. B. *Artificial intelligence and autonomous devices in the context of the law: on the development of the first Russian law on robotics* [Iskusstvennyy intellekt i avtonomnyye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike]. Proceedings of SPIIRAN. 2017. № 6.

2. Bostrom N. *Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies* [Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii]. Moscow, 2016.

3. Morkhat P. M. *Artificial intelligence. Legal view* [Iskusstvennyy intellekt. Pravovoy vzglyad]. Moscow, 2017.

4. Ponkin A. V., Redkina A. I. *Artificial intelligence from the point of view of law* [Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava]. . Vestnik RUDN. Series: Legal Sciences. 2018. Pp. 91–109.

5. Aletras N., Tsarapatsanis D., Preoțiuc-Pietro D., Lampos V. *Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective*. Peer J Computer Science. URL: <https://peerj.com/articles/cs-93/>

УДК 342, ББК 67.400, ГРНТИ 10.15, КОД ВАК 12.00.02

О. Л. Казанцева, Д. В. Трущелев

Барнаул, Россия

ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ, ПРОВОДИМОЙ ОРГАНАМИ ЮСТИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ): АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на примере Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Алтайскому краю. С 2009 года Управление Минюста России по Алтайскому краю является активным субъектом проведения антикоррупционной экспертизы в отношении нормативных правовых актов (их проектов) органов государственной власти Алтайского края. Проводимая Управлением Минюста России по Алтайскому краю антикоррупционная экспертиза направлена на выявление и устранение имеющих место в нормативных правовых актах (их проектах) коррупциогенных факторов. В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» федеральный орган исполнительной власти в области юстиции относится к субъектам, в чьи обязанности входит проведение антикоррупционной экспертизы наряду с органами прокуратуры и правотворческими органами государственной власти и местного самоуправления. Результаты антикоррупционной экспертизы, проводимой Управлением Минюста России по Алтайскому краю, носят рекомендательный характер для правотворческих органов государственной власти Алтайского края. Анализ деятельности Управления по проведению антикоррупционной экспертизы за период с 2015 года по 2017 год включительно позволил выявить наиболее распространенные коррупциогенные факторы, встречающиеся в нормативных правовых актах органов государственной власти Алтайского края, актуализировать имеющиеся проблемы в работе Управления при выявлении коррупциогенных факторов, связанные с несовершенством, прежде всего, федерального законодательства, а также предложить пути их решения.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, юридическая техника, нормативный правовой акт, правотворчество

Сведения об авторе: Олеся Леонидовна Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного

университета, независимый эксперт по проведению антикоррупционных экспертиз. 656049, Барнаул, пр-т Социалистический, 68, каб. 412. E-mail: verwaltung@mail.ru

Сведения об авторе: Денис Владимирович Трущелев, магистрант кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, главный специалист-эксперт отдела по вопросам нормативных правовых актов субъектов РФ и ведения федерального регистра, ведения реестра муниципальных образований, регистрации и ведения реестра уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Алтайскому краю. 656056, Барнаул, пр-т Ленина, 8. E-mail: tdv_2008@bk.ru

O. L. Kazantseva, D. V. Trushchelev

Barnaul, Russia

**ON ANTI-CORRUPTION EXPERTISE, CONDUCTED BY JUSTICE INSTITUTIONS
(ON THE EXAMPLE OF ALTAI KRAI): TOPICAL PRACTITIONER ISSUES**

The article discusses topical issues of conducting anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts on the example of the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for Altai Krai. Since 2009, the Office of the Ministry of Justice of Russia for Altai Krai has been an active subject of anti-corruption expertise in relation to regulatory legal acts (their drafts) of public authorities of the Altai Territory. The anti-corruption expertise carried out by the Department of the Ministry of Justice of Russia for Altai Krai is aimed at identifying and eliminating corruption-instigating factors that occur in regulatory legal acts (their drafts). In accordance with Federal Law No. 172-FZ of July 17, 2009, «On Anti-Corruption Examination of Regulatory Legal Acts and Draft Normative Legal Acts», the federal executive authority in the field of justice refers to entities whose duties include carrying out anti-corruption expertise along with prosecutorial authorities and law-making bodies of state power and local self-government. The results of the anti-corruption expertise carried out by the Department of the Ministry of Justice of Russia for Altai Krai are non-regulatory for the legislative bodies of Altai Krai. The analysis of the activity of the Office for Anti-Corruption Expertise within the period from 2015 to 2017 inclusive allowed us to identify the most common corruption-related factors encountered in normative legal acts of Altai Krai governmental bodies, to update the problems in the work of the Office when identifying corruption-related factors caused by imperfection of federal legislation, first of all, and also to offer ways of their tackling.

Key words: anti-corruption expertise, legal technique, normative legal act, law-making.

About the author: Olesya Leonidovna Kazantseva, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University, an independent

expert on conducting anti-corruption examinations. 656049, Barnaul, Prospect Sotsialisticheskiy, 68, office 412. E-mail: verwaltung@mail.ru

About the author: Denis Vladimirovich Trushchelev, Master of Science, the Department of Constitutional and International Law of Altai State University, Chief Expert of the Department of Regulatory Acts of the Subjects of the Russian Federation and Maintenance of the Federal Register, Maintenance of the Register of Municipalities, Registration and Maintenance of the Register of Charters of Municipalities of the Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation for Altai Krai. 656056, Barnaul, Lenina Avenue, 8. E-mail: tdv_2008@bk.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-805

Правовой основой для осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов является Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – ФЗ № 172). Данный Федеральный закон установил правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы, а также определил цель, принципы, объекты и субъекты, уполномоченные на проведение антикоррупционной экспертизы.

Среди субъектов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы, назван федеральный орган исполнительной власти в области юстиции.

Согласно ч. 3 ст. 3 ФЗ № 172 федеральный орган в области юстиции проводит антикоррупционную экспертизу:

1) проектов федеральных законов, проектов указов Президента Российской Федерации и проектов постановлений Правительства Российской Федерации, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями, – при проведении их правовой экспертизы;

2) проектов поправок Правительства Российской Федерации к проектам федеральных законов, подготовленным федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами и организациями, – при проведении их правовой экспертизы;

3) нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, а также уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований – при их государственной регистрации;

4) нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации – при мониторинге их применения и при внесении сведений в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Управление Минюста России по Алтайскому краю (далее – Управление), как территориальный орган Министерства юстиции РФ, приступило к проведению антикоррупционной экспертизы с 2009 года.

В рамках своих полномочий Управление проводит антикоррупционную экспертизу регионального законодательства на этапе включения нормативных правовых актов органов государственной власти Алтайского края в федеральный регистр субъектов Российской Федерации.

Проведение антикоррупционной экспертизы осуществляется согласно Правилам и Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Методика).

Действующей редакцией Методики определено 12 коррупциогенных факторов, которые подлежат выявлению в нормативных правовых актах и их проектах. Данные факторы распределяются на две группы.

К первой группе относятся 9 факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил (п. 3 Методики): а) широта дискреционных полномочий; б) определение

компетенции по формуле «вправе»; в) выборочное изменение объема прав; г) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества; д) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции; е) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий; ж) отсутствие или неполнота административных процедур; з) отказ от конкурсных (аукционных) процедур; и) нормативные коллизии.

Вторая группа – это 3 фактора, содержащих неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям (п. 4 Методики): а) наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; б) злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами); в) юридико-лингвистическая неопределенность.

Порядок проведения антикоррупционной экспертизы территориальными органами Минюста России в субъектах Российской Федерации определяется приказом Минюста России от 01.04.2010 № 77 «Об организации работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и уставов муниципальных образований».

Согласно названному Порядку результаты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов отражаются в соответствующих экспертных заключениях, составляемых по итогам правовых экспертиз нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти Алтайского края. Сведения, указанные в экспертных заключениях, вносятся в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. В отношении нормативного правового акта, прошедшего экспертизу, выставляется соответствующий статус о наличии либо отсутствии коррупциогенных факторов.

В случае выявления в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов экспертное заключение направляется в орган государственной власти

Алтайского края, принявший акт, его копия – в орган прокуратуры. Мотивированный ответ от органа власти на полученное экспертное заключение также вносится в федеральный регистр.

Стоит отметить, что согласно ч. 5 ст. 4 ФЗ № 172 заключения, составляемые по результатам проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов государственной власти Алтайского края, носят рекомендательный характер, но подлежат обязательному рассмотрению соответствующими органом или должностным лицом.

В 2017 году Управлением рассмотрено 2764 нормативных правовых акта, по которым проведена антикоррупционная экспертиза, из них в 14 актах были выявлены коррупциогенные факторы, что составляет 0,5% от общего их количества.

За предыдущие 2016, 2015 годы Управлением проанализировано 2487 и 3053 нормативных правовых акта органов государственной власти Алтайского края соответственно. При этом положения, способствующие проявлению коррупции, выявлены в 7 (2016 год) и 5 (2015 год) нормативных правовых актах.

Таким образом, за трехлетний период Управлением проведен правовой анализ 8304 нормативных правовых актов на соблюдение коррупциогенных норм, при этом выявлено 26 актов, содержащих коррупциогенные факторы, что составило 0,3% от общего их числа. В перечень нормативных правовых актов, в которых выявлялись коррупциогенные положения, вошли приказы органов исполнительной власти Алтайского края (25 случаев) и закон Алтайского края (1 случай).

По сферам общественных отношений нормативные правовые акты, в которых выявлены коррупциогенные факторы, распределились следующим образом:

- здравоохранение – 1;
- образование – 4;
- социальная помощь – 3;

- гражданское законодательство – 2;
- жилищное законодательство – 2;
- государственная гражданская служба субъекта Российской Федерации – 1;
- рассмотрение обращений граждан органами государственной власти субъекта Российской Федерации – 3;
- защита прав граждан – 2;
- культура и архивное дело – 3;
- сельское хозяйство – 1;
- туризм – 2;
- обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности – 2.

Как показывает практика проведения Управлением антикоррупционной экспертизы, нормативный правовой акт может одновременно содержать несколько видов коррупциогенных норм, которые разработчик закладывает в разных частях одного нормативного правового акта.

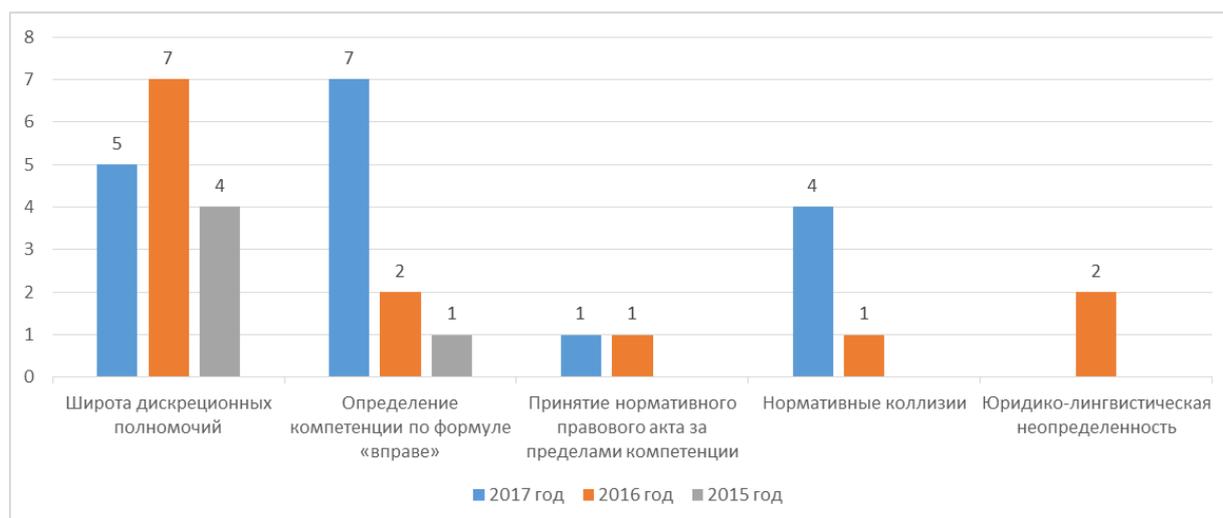
Так, в 2017 году Управлением в 14 нормативных правовых актах выявлено 17 коррупциогенных факторов, в 2016 году – 13, в 2015 году – 5. Исходя из имеющихся статистических данных, коррупциогенные факторы по степени выявляемости ранжируются следующим образом:

- широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц) (подп. «а» п. 3 Методики) – 16 (46%);
- определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций (подп. «б» п. 3 Методики) – 10 (28%);
- нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц)

возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае (подп. «и» п. 3 Методики) – 5 (14%);

- принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – нарушение компетенции государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов (подп. «д» п. 3 Методики) – 2 (6%);
- юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подп. «в» п. 4 Методики) – 2 (6%).

Анализ деятельности Управления представлен на графике (рис. 1)

С учетом изложенного можно отметить, что за период с 2015 по 2017 год наиболее распространенными коррупционными факторами, содержащимися в нормативных правовых актах органов государственной власти Алтайского края, стали широта дискреционных полномочий и определение компетенции по формуле «вправе». Такие коррупционные факторы, как выборочное изменение объема прав; чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества; заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий; отсутствие или неполнота административных процедур; отказ от конкурсных

(аукционных) процедур; наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права; злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами), в рассматриваемом периоде Управлением не выявлялись.

Необходимо добавить, что благодаря налаженному взаимодействию Управления с органами государственной власти Алтайского края коррупциогенные факторы в принятых нормативных правовых актах своевременно устраняются в каждом случае, несмотря на рекомендательный характер проводимой антикоррупционной экспертизы [Казанцева 2014: 38].

В рамках участия Управления в нормотворческой деятельности органов государственной власти Алтайского края за 2015–2017 годы рассмотрено 2000 проектов нормативных правовых актов, по результатам антикоррупционной экспертизы которых коррупциогенные факторы были выявлены в 2016 году в 2 проектах органов исполнительной власти края. Соответствующие заключения направлены разработчикам проектов. Проекты нормативных правовых актов приняты уполномоченными органами с учетом высказанных замечаний. В 2015, 2017 годах коррупциогенные положения в проектах нормативных правовых актов не выявлялись.

Участие Управления в нормотворческой деятельности органов государственной власти Алтайского края является эффективным инструментом предупреждения принятия нормативных актов, содержащих коррупциогенные факторы.

Вместе с тем Управление сталкивается с рядом проблем, заключающихся в недостаточном урегулировании отдельных вопросов проведения антикоррупционной экспертизы. А именно:

1. Коррупциогенные факторы, закрепленные в Методике, носят оценочный характер, что порождает отсутствие единого мнения у экспертов Управления и правотворческого органа государственной власти Алтайского края относительно их наличия в нормативном правовом акте.

2. Методика не содержит непосредственно самого механизма выявления коррупциогенных факторов, ограничиваясь их перечислением, что усложняет работу Управления по определению коррупциогенных факторов [Кочура 2012: 68; Мещерякова, Моисеева 2017: 55].

3. Действующее федеральное законодательство об антикоррупционной экспертизе не содержит порядок взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти по разрешению возникающих разногласий, что влияет на эффективность антикоррупционных механизмов. В Алтайском крае такой порядок взаимодействия урегулирован только в рамках соглашений, заключенных Управлением с отдельными органами государственной власти края.

Норма считается коррупционной, если она содержит коррупциогенный фактор, под которым, как правило, понимаются дефекты нормы, предоставляющие возможность должностным лицам органов власти злоупотреблять своим положением в личных (корыстных) интересах. В этой связи необходимо совершенствовать знания специалистов правотворческих органов государственной власти, ответственных за подготовку проектов нормативных правовых актов, в сфере юридической техники, повышать качество правовых норм, что будет способствовать предотвращению закрепления в правотворческой и правоприменительной деятельности коррупционных практик.

В целях повышения эффективности деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в области юстиции целесообразно предложить разработать комплексный подход к организации и проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Прежде всего, требуется на федеральном уровне разработать с привлечением ученых-юристов действенную методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, которая бы пошагово объясняла алгоритм выявления коррупциогенных

факторов и не порождала разнообразного толкования и применения правовых норм в исследуемой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанцева О. Л. Анतिकоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: правовая основа и субъекты. Актуальные вопросы противодействия коррупционным правонарушениям: теория и практика. Караганда, 2014. С. 36–40.

2. Кочура В. Н. Анतिकоррупционная экспертиза: методика проведения. Журнал российского права. 2012. № 9 (189). С. 65–70.

3. Мещерякова С. Н., Моисеева А. А. Современные проблемы правил и методики проведения антикоррупционной экспертизы. Ростовский научный журнал. 2017. № 5. С. 53–59.

REFERENCES

1. Kazanceva O. L. *Anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects: legal basis and subjects* [Antikorrupcionnaja jekspertiza normativnyh pravovyh aktov i ih proektov: pravovaja osnova i sub#ekty]. Topical issues of combating corruption offenses: theory and practice. Karaganda, 2014. Pp. 36–40.

2. Kochura V. N. *Anti-corruption expertise: methodology* [Antikorrupsionnaya ekspertiza: metodika provedeniya]. Journal of Russian law. 2012. № 9 (189). Pp. 65–70.

3. Meshcheryakova S. N., Moiseyeva A. A. *Modern problems of the rules and methods of anti-corruption expertise* [Sovremennyye problemy pravil i metodiki provedeniya antikorrupsionnoy ekspertizy]. Rostov scientific journal. 2017. № 5. Pp. 53–59.

ЯЗЫК ПРАВА

УДК 343.6, ББК 67.408.1, ГРНТИ 10.77.51, КОД ВАК 12.00.08

Н. В. Тыдыкова

Барнаул, Российская Федерация

О НЕКОРРЕКТНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СОСТАВОВ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросу корректности использования медицинских терминов в составах половых преступлений. Автор анализирует целесообразность описания составов таких преступлений с использованием терминов: «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера». Определение их содержания приводится с медицинской и юридической точек зрения. Так как понимание этих терминов в медицине иное, чем в праве, автор говорит о некорректности их использования в тексте уголовного закона. Критикуется использование конструкции «иные действия сексуального характера». Отмечается неопределенность составов преступлений из-за того, что перечень таких действий открыт и ничем не ограничен. По этой причине сложно решается проблема разграничения терминов «иные действия сексуального характера» и «развратные действия». В праве они не определены, а медицинская наука их не использует. Автор обращает внимание на то, что наименование статьи 134 УК РФ шире ее содержания. В качестве решения названных проблем предлагается отказаться от нетипичных для права медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений. В качестве альтернативы действующей концепции предлагаются термины «действия сексуального характера, связанные с проникновением в полость тела потерпевшего» и «действия сексуального характера, не связанные с проникновением в полость тела потерпевшего». В результате таких изменений будет отсутствовать необходимость терминологического выделения «полового сношения», «мужеложства», «лесбиянства» и последующего выяснения их содержания. Такой подход, по мнению, автора, позволит построить логичную

и непротиворечивую систему преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность.

Ключевые слова: изнасилование, развратные действия, половое сношение, лесбиянство, мужеложство.

Сведения об авторе: Тыдыкова Надежда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета. 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: academnauka@rambler.ru

N. V. Tydykova

Barnaul, Russia

ON INCORRECT USAGE OF MEDICAL TERMS IN THE DEFINITION OF SEXUAL OFFENCES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the issue of the correct usage of medical terms in the definition of sexual offenses. The author analyzes the relevance of describing such offences with the terms: «sexual intercourse», «sodomy», «lesbianism», «other acts of a sexual nature». The definition is given from a medical and legal point of view. The author speaks about the incorrectness of their usage in the text of criminal law because of different understanding of these terms in medicine and in law. The structure «other acts of a sexual nature» is criticized. There is uncertainty in the definition of offences because the list of such actions is open and unlimited. For this reason, the problem of distinguishing the terms «other sexual acts» and «sexual abuse» is difficult to resolve. They are not defined in law, and medical science does not use them. The author draws attention to the fact that the title of Article 134 of the Criminal Code is broader than its content. As a solution to these problems, it is proposed to abandon medical terms atypical for the law in the definition of sexual offenses. As an alternative to the current concept, the terms «acts of a sexual nature associated with penetration into the body cavity of the victim» and «acts of a sexual nature that are not related to penetration into the body cavity of the victim» are suggested. As a result of such changes, there will be no need for terminological separation of «sexual intercourse», «sodomy», «lesbianism» and subsequent clarification of their content. Such an approach, in the author's opinion, will allow to build a logical and consistent system of crimes that encroach on sexual freedom and sexual inviolability.

Key words: rape, sexual abuse, sexual intercourse, lesbianism, sodomy.

About the author: Nadezhda Vladimirovna Tydykova, Doctor of Law, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Altai State University. 656049, Barnaul, Lenina Avenue, 61. E-mail: academnauka@rambler.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-806

Составы преступлений, предусмотренные статьями 131 и 132 УК РФ, представляют собой конструкции, в которых криминализированы некоторые физиологические действия, совершаемые с применением насилия, угрозы его применения или с использованием беспомощного состояния. Так как с терминами «насилие», «угроза применения насилия» и «беспомощное состояние» уголовный закон сталкивается многократно при закреплении признаков других составов преступлений, проблем с их использованием как лингвистических единиц относительно немного. Что касается терминов, которыми обозначаются различные действия сексуального характера, то они используются в тексте УК РФ лишь в нескольких составах, вероятно, именно поэтому законодатель пока не смог найти корректного способа их обозначения. Особенно проблемными для квалификации являются составы преступлений, предусмотренные статьями 134 и 135 УК РФ, в которых такого рода физиологические действия криминализированы сами по себе в случаях, когда они совершаются с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста.

В статье об ответственности за изнасилование речь идет о половом сношении. В теории уголовного права и правоприменительной практике устоялась позиция, в рамках которой под этим термином понимается введение мужского полового члена во влагалище женщины. В медицине же выделяются различные виды полового сношения помимо указанного. Сходным с используемым в УК РФ понятием «половое сношение» является медицинское понятие «нормативный гетеросексуальный коитус» [Васильченко 2005: 143]. Все остальные действия, помимо нормативного гетеросексуального акта, при квалификации насильственных половых преступлений принято относить к иным действиям сексуального характера. Думается, что не совсем верно использовать в тексте закона термин, который в другой науке имеет иное содержание. Если законодатель не видит возможности отказа от него, то необходимо, как минимум, раскрыть содержание этого термина в тексте закона.

В диспозиции ст. 132 УК РФ в незакрытом перечне сексуальных действий, входящих в объективную сторону насильственных действий

сексуального характера, непосредственно называется только мужеложство и лесбиянство, остальные действия законодатель определяет термином с бесконечно широким содержанием «иные действия сексуального характера».

Термин «гомосексуализм» заимствован из греческого и латинского языков, где «гомо» означает «тот же самый». Следовательно, гомосексуализм означает направленность полового влечения на представителей своего пола [Конева 2002: 10]. Гомосексуализм бывает двух видов – мужской, под которым понимается половая склонность мужчины к мужчине, и женский, когда речь идет о половом влечении женщины к женщине. В медицинской литературе выделяются различные виды гомосексуальных контактов между мужчинами. Под мужеложством же в науке уголовного права понимается только один из этих видов, а именно половой контакт мужчины с мужчиной с введением полового члена в анальное отверстие партнера [Изотов 2000: 19; Цэнгэл 2004:12]. Мужеложство, таким образом, лишь один из видов мужского гомосексуализма, и заключается в совершении аногенитального контакта. Все остальные виды мужского гомосексуализма подпадают под иные действия сексуального характера.

Такая дифференциация не может не вызвать вопроса – в связи с чем законодатель решил особо выделить мужеложство среди других форм мужского гомосексуализма в диспозиции ст. 132 УК РФ. Другими причинами, кроме как исторической обусловленности, объяснить это не представляется возможным.

Если мужской гомосексуализм, кроме мужеложства, содержит еще массу проявлений, то этого нельзя сказать о женском гомосексуализме. Практически любое проявление женского гомосексуализма охватывается понятием лесбиянства. Под лесбиянством в медицинской литературе понимается такой способ удовлетворения полового влечения между лицами женского пола, когда участвует половой орган хотя бы одной из партнерш [Андреева 1999: 22].

Любой сексуальный контакт между людьми одного пола необходимо рассматривать как гомосексуальный, что соответствует принятому в сексологии

пониманию гомосексуализма. Видится, что целесообразным был бы отказ от терминов «мужеложство» и «лесбиянство» в тексте статьи 132 УК РФ в пользу термина «гомосексуальные действия». Закрепление в составе насильственных действий сексуального характера именно этого термина позволит более точно, определенно и лаконично определить круг действий, которые относятся к объективной стороне данного состава преступления. Использование этого термина с точно определенным значением позволит избежать споров вокруг его содержания и обеспечит единообразное толкование.

Еще больше сложностей влечет использование термина «иные действия сексуального характера». Анализ правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о том, что к этому термину относят все действия, которые нельзя определить как половое сношение, лесбиянство и мужеложство. Примечательно, что все они одновременно являются разновидностями действий сексуального характера. Поэтому еще логичнее было бы вообще отказаться от терминологического выделения гомосексуальных действий, и закрепить в диспозиции статьи 132 УК РФ термин «действия сексуального характера». Отдельное выделение гомосексуальных действий имело бы смысл только в том случае, если бы законодатель признавал их совершение с применением насилия, угрозы его применения или с использованием беспомощного состояния обстоятельством, меняющим характер или степень общественной опасности содеянного. Однако действующая редакция анализируемой статьи об этом не свидетельствует.

Примерно аналогичные проблемы имеют место и при закреплении составов ненасильственных половых преступлений. Например, наименование статьи 134 УК РФ анонсирует уголовную ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Однако в различных частях этой статьи закрепляется уголовная ответственность только за половое сношение, мужеложство и лесбиянство, ни о каких иных действиях сексуального характера речь не идет. Получается, что наименование статьи УК РФ шире ее

содержания. В практической плоскости это приводит к тому, что те действия, которые в рамках насильственных половых преступлений относят к категории «иные действия сексуального характера», при квалификации ненасильственных составов преступлений против половой неприкосновенности относят к категории «развратные действия», уголовная ответственность за которые предусмотрена статьей 135 УК РФ. Разумеется, логики и ясности такой подход не вносит. Решить эту проблему можно либо коррекцией наименования статьи 134 УК РФ, либо изменением ее содержания. Следует заметить, что второй путь решения этой проблемы не так прост. Дело в том, что статья 135 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших также шестнадцатилетнего возраста. Как понятие иных действий сексуального характера, так и понятие развратных действий в уголовном праве не имеют четких определений. В литературе их чаще всего пытаются определить через перечисление того, что к ним относится, что вряд ли верно, так как это всегда примерные открытые перечни, ограниченные фантазией конкретного интерпретатора.

Так как нехарактерные для права термины использованы некорректно для конструирования составов половых преступлений, требуется иное решение. В качестве такого хотелось бы предложить сконструировать названные составы преступлений в зависимости от того, имело ли место сексуальное проникновение или нет. Обоснование с позиции одинаковой общественной опасности действий, входящих в соответствующую группу, уже приводилось в литературе по уголовному праву [Тыдыкова 2013: 54]. Для наименования действий, вызвавших споры, целесообразным было бы использование терминов «действия сексуального характера, связанные с проникновением в полость тела потерпевшего» и «действия сексуального характера, не связанные с проникновением в полость тела потерпевшего». Такой подход возможно использовать как для закрепления признаков насильственных половых преступлений, так и ненасильственных. В результате таких изменений отпадает необходимость терминологического выделения «полового сношения»,

«мужеложства», «лесбиянства» и последующего выяснения их содержания. Это даст возможность построить логичную и непротиворечивую систему преступлений, посягающих на указанные общественные отношения.

Таким образом, анализ действующей редакции статей об ответственности за половые преступления позволяет сделать вывод о некорректном использовании в них неюридических терминов. Для повышения уровня законодательной техники и придания лаконичности и ясности содержанию статей 131, 132, 134, 135 УК РФ требуется внесение в них терминологических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая сексопатология: руководство для врачей / под ред. Г. С. Васильченко. М., 2005.
2. Конева М. А. Особенности квалификации насильственных действий сексуального характера, совершаемых гомосексуальными девиантами. Следователь. 2002. № 5. С. 10–14.
3. Изотов Н. Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.
4. Цэнгэл С. Д. Квалификация насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
5. Андреева Л. А. Квалификация изнасилований. СПб., 1999.
6. Тыдыкова Н. В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М., 2013.

REFERENCES

1. *General sexopathology: a guide for doctors* / ed. G. S. Vasilchenko [Obshchaya seksopatologiya: rukovodstvo dlya vrachej / pod red. G. S. Vasil'chenko]. Moscow, 2005.
2. Koneva M. A. *Features of qualification of the violent actions of sexual character made by homosexual deviants* [Osobennosti kvalifikacii nasil'stvennyh dejstvij seksual'nogo haraktera, sovershaemyh gomoseksual'nymi deviantami]. Investigator. 2002. № 5. Pp. 10–14.
3. Izotov N. N. *Criminal liability for violent acts of a sexual nature: author. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'* [Ugolovnaya otvetstvennost' za nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Stavropol, 2000.
4. Cengel S. D. *Qualifications the violent acts of a sexual nature (article 132 of the criminal code of the Russian Federation): author. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'* [Kvalifikaciya

nasil'stvennyh dejstvij seksual'nogo haraktera (st. 132 UK RF): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. St. Petersburg, 2004.

5. Andreeva L. A. *Qualification of rape* [Kvalifikaciya iznasilovanij]. St. Petersburg, 1999.

6. Tydykova N. V. In. *Criminal-legal characteristic and qualification matters violent sexual crimes* [Ugolovno-pravovaya harakteristika i voprosy kvalifikacii nasil'stvennyh polovyh prestuplenij]. Moscow, 2013.

УДК 343.6, ББК 67.408.1, ГРНТИ 10.77.51, КОД ВАК 10.02.19

А. В. Снигирев

Екатеринбург, Россия

**ФИКСАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕЧЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ,
В «АРТИКУЛЕ ВОИНСКОМ» ПЕТРА I**

В эпоху Петра I проходит сложный процесс создания и унификации терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. Ранее существовавшие в законодательстве единицы отбрасываются, новые становятся более однозначными, четко отличаются друг от друга объемом понятий. Появляется важное разграничение устной и письменной формы совершения правонарушения, начинают разграничиваться «насмешка» и «оскорбление». Появляется понятие контекста высказывания, с учетом которого схожие по составу правонарушения получают различные меры наказания в зависимости от того, кем и где было совершено данное правонарушение. При этом продолжается заложенная в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года тенденция к расширению юрисдикции за счет церковного судопроизводства, а также укрепляется и расширяется понятие личной, семейной чести и даже чести воинского подразделения. Значение чести становится одним из важнейших для человека, наряду с имуществом и жизнью.

Ключевые слова: речевые правонарушения, оскорбление, клевета, честь, «Артикул воинский».

Сведения об авторе: Алексей Васильевич Снигирев, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. 620027, Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 51-15, E-mail: alex_sengir@rambler.ru

A. V. Snigirev

Yekaterinburg, Russia

**DOCUMENTATION OF CRIMES, CAUSED BY SPEECH CONFLICT, IN THE
«MILITARY ARTICLES» BY PETER I**

In the era of Peter I there was a complex process of creating and unifying the terminological paradigm associated with crimes caused by verbal conflicts, the units already existing in the legislation were discarded, the new ones acquire a more unambiguous meaning and did not overlap with each other in the semantic plane, as it had used to be in the previous documents. An important distinction was made between the oral and written forms of insult or defamation, establishing the

difference between «mockery» and «insult». The concept of the context of utterance appeared bringing different penalties for similar offenses depending on who and where committed the offense. At the same time, the tendency to expand jurisdiction through church litigation, founded by Tsar Aleksei Mikhailovich in the Decree of 1649 still remained, also the concept of personal, family honor and even honor of the military unit was expanded. «Honor» became one of the most important things for a person, along with property and life.

Key words: speech offenses, insult, slander, honor, «Military articles».

About the author: Alexey Vasilyevich Snigirev, Associate Professor of the Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture. Ural State Law University. 620027, Ekaterinburg, Mamina-Sibiriaka street, 51, Apt. 15. E-mail: alex_sengir@rambler.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-808

Реформы Петра I занимают особое место в отечественной истории. Их оценка неоднозначна как в общественном сознании, так и в научной среде. Настолько, что крупнейший специалист по данной эпохе, Е. В. Анисимов, издал книгу с названием «Петр Первый. Благо или зло для России?» [Анисимов 2017]. Действительно, в это период происходят глобальные и неоднозначные изменения, в том числе и законодательстве. Нормативно-правовая база, созданная Петром Первым и его сподвижниками, оценивается в целом как прогрессивная для своего времени, о чем пишут в своих обзорных работах А. О. Бухтияров [Бухтияров 2016], В. А. Терентьева [Терентьева 2014], А. В. Звонов [Звонов 2016], К. С. Ковалев [Ковалев 2016] и многие другие.

«Артикул воинский» занимает особое место в парадигме нормативно-правовых актов петровской эпохи, о чем свидетельствует и длительность работы над ним (первые свидетельства относятся к 1699 году, год издания – 1716), и существование промежуточных редакций Шереметьева и Меншикова, которые были учтены при окончательном варианте, и личное участие в его написании Петра I, и фиксация в нем новых социальных, экономических и правовых отношений, возникших в ходе преобразований в стране.

Созданный с ориентацией на современные международные достижения в области военно-уголовного законодательства, в частности, на шведское,

«Артикул воинский», тем не менее, во многом продолжает отечественную традицию, в том числе и в области фиксации преступлений, совершенных посредством речи.

На данный момент синхронический аспект в изучении проблематики лингвоконфликтологии и юрислингвистики активно и плодотворно развивается, выходят многочисленные монографии и исследования, связанные как с общими проблемами, так и частными случаями, и особое место занимают в данной научной парадигме работы таких авторов, как А. Н. Баранова [Баранов 2012-1], [Баранов 2012-2], Н. Д. Голева [Голев 2017], М. А. Осадчего [Осадчий 2013]. Однако диахронический аспект в изучении данного проблемного поля незаслуженно оставлен без должного внимания.

Именно диахронический анализ, сопоставление текста петровского закона с предшествующими документами, прежде всего с Уложением царя Алексея Михайловича 1649 года, позволяет отметить основные особенности правовой оценки речевых преступлений в исследуемом законодательном акте.

Одной из особенностей отечественного законодательства в данной сфере в предшествующий период является неустоявшийся терминологический аппарат. В предыдущих статьях цикла, посвященных истории отражения правонарушений, вызванных речевыми конфликтами [Снигирев 2017; Снигирев 2016], перечислялись основные понятия, вводимые и изменяемые в процессе развития законодательной системы. Многие из них встречаются в «Артикуле воинском».

В частности, в исследуемом документе обнаруживается термин «хула» («хуление», «хулить»). Он фиксировался в предшествующих текстах и по-прежнему используется преимущественно по отношению к преступлениям против веры: *«Арт. 3. Кто имени Божию хуление (здесь и далее выделено нами. – А.С.) приносит, и оное презирает, и службу Божию поносит, и ругается слову Божию и святым таинствам, а весьма в том он обличен будет»; «Арт. 4. Кто пресвятую Матерь Божию Деву Марию и Святых ругательными словами поносит, оный имеет, по состоянию его особы и*

хуления, телесным наказанием отсечения сустава наказан или живота лишен быть»; «Арт. 5. Ежели кто слышит таковое хуление, и в принадлежащем месте благовремени извету не подаст, оный имеет по состоянию дела, яко причастник богохуления, живота или своих пожитков лишен быть»; «Арт. 6. А ежели слова онаго ругателя никакова богохуления в себе не содержат, и токмо из легкомыслия произошли» [Памятники русского права, 1961, с. 322]. Однако происходит расширение значения слова «хула» – теперь оно относимо и к оскорблению главы государства и его семьи: «Арт. 20. Кто против Его Величества особы хулительными словами погрешит, Его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен. <...> И яко же о Его Величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о Его Величества Царской супруге, и Его Государства наследии» [Памятники русского права 1961: 325]. При этом на священников, как представителей церкви, вопреки возможному ожиданию, данный термин не распространяется, хотя речевые преступления против них расцениваются как подлежащие удвоенному наказанию: «Арт. 13. Всем офицерам и рядовым надлежит Священников любить и почитать, и никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругаться... А кто против того погрешит, имеет по изобретению его преступления вдвое так, как бы то над простолудином над другим учинил, наказан быть» [Памятники русского права 1961: 323].

В «Артикуле» предусмотрены наказания за преступления против веры: «Пресвятое и достохвальное имя Божие да не воспримется всуе: в клятве, божбе и лже. И ежели кто найдется, который оие в сердце, или с должной ревности чина своего учинит, оный имеет, по состоянию своего чина, некоторое число денег в шпиталь дать, или в присутствии регимента мушкеты, пики или карабины носить» [Памятники русского права 1961: 322]. Отметим, что в данной статье, как и в предшествующих нормативно-правовых актах, сохраняется традиция сословного подхода к наказанию, разделяющего

потенциальных нарушителей *«по состоянию ... чина»*. Также необходимо отметить, что происходит увеличение списка преступлений против веры, свершаемых посредством речи. Из оборота церковного суда в область военно-уголовного законодательства переносится не только упоминание имени Бога всуе, но и чародейство, доноительство о богохульстве и т.д.

В «Артикуле воинском» впервые происходит попытка осознания того, что не всякие негативные высказывания способны наносить ущерб чести и деловой репутации объекта речи: *«Арт. 21. <...> А если кто дерзнет оным, или одинаго из них, непристойными и насмешными словами поносить (однакож не такая слова, которая чести касатися не будут)»*. См. также следующий параграф: *«Арт. 22. Кто Фельдмаршала или Генерала бранными словами поносить, или в компаниях и собрании прочих предосудительныя слова, их чести касающиеся...»* [Памятники русского права 1961: 325]. И далее, в статье о «пасквилях»: *«Арт. 149. Кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, пришьет и распространит, и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтет, чрез что его добром имени некакой стыд причинен быть может <...> Ежели же дело, в котором будет в пасквиле обруганный обвинен, весьма о том будет доказано, то правда, хотя обыкновенное наказание не произведено будет...»* [Памятники русского права 1961: 353]. Кроме того формулируется особая статья о письменном оскорблении (в тексте «Артикула воинского» – «пасквиль»). Характерно, что один из способов наказания за данное правонарушение – сжигание палачом текста пасквиля под виселицей – носит черты архаичного ритуального наказания.

Важнейшей чертой «Артикула воинского» становится то, что происходит унификация терминологии, связанной с преступлением, которое в современном отечественном законодательстве рассматривается в статьях ст. 128.1, ст. 5.61 КоАП РФ (Оскорбление), ст. 152 ГК РФ (Защита чести, достоинства...). Если в предшествующих документах встречались, зачастую в одном своде законов, различные термины – «лай», «грубые речи», «непригожие слова», то в

петровском документе на первый план выходит термин «**брань**»: «*Арт. 34. Никто да не дерзает судей, Комиссаров и служителей провиантских, такожде и оных, которые на экзекуции посылаются, **бранить** (здесь и далее выделено нами. – А.С.) ...*»; «*Арт. 22. Кто Фельдмаршала или Генерала **бранными** словами поносить...*»; «*Арт. 138. Ежели учинится ссора, **брань** или драка между рядовыми...*»; «*Арт. 152. Ежели кто другаго не одумавшись с сердца, или не опаматовась **бранными** словами выбранит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении; и ежели гораздо жестоко **бранил**...*»; «*Арт. 153. А ежели кто против **бранных** слов боем или иным своевољством отмщать будет, оный право свое тем потерял...*» [Памятники русского права 1961: 325–355]. Данная унификация может быть интерпретирована двояко: во-первых, как очередная стадия развития нормативно-правовой базы, на которой осознается необходимость единообразия с целью исключения инотолкования; во-вторых, по причине наличия главного редактора текста, который привнес в него особенности своего идиолекта.

В тексте встречаются и другие термины, связанные с понятием «брань», в том числе «словом и делом досаду чинить», «поносные слова» и «уязвить». Последнее слово в контексте одной из статей действительно может быть расценено как обозначение словесного оскорбления: «*Арт. 33. Такожде никто из офицеров да не дерзает обретающихся под своею командою солдат, без важных и пристойных причин, которыя службе Его Величества не касаются, жестоко бить или уязвить*» [Памятники русского права 1961: 328]. С другой стороны, другие контексты употребления слова дают иное значение, которое, скорее всего, связано не с оскорблением словом, а прежде всего с нанесением физического урона: «*Арт. 36. Кто из офицеров, или рядовых, в присутствии Фельдмаршала или командующаго Генерала <...> в сердцах свою шпагу обнажит в том намерении, чтоб уязвить: оный имеет, хотя он никакова вреда не учинит, живота лишен аркибузированием будет* [Памятники русского права 1961: 329]. Поэтому думается, что интерпретация термина «уязвление»

как речевого преступления является гиперинтерпретацией, основанной на позднейшем расширении семантики термина и выделении его переносных значений (ср. современное однокоренное «язвительность»).

«Поносные слова» связаны с категорией клеветы, что подтверждается употреблением выражения «поносительные письма», обозначающего памфлеты, а в Артикуле 151 дается следующее: *«Ежели офицер о другом чести касающихся или поносныя слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить, оный имеет пред обиженным и пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал, и сверх того посажен быть на полгода в заключение»* [Памятники русского права 1961: 355]. Обращает на себя внимание разграничение двух видов речевых правонарушений: употребление унижающих достоинство выражений и собственно «поносные слова», – повторяющих дихотомию оскорбление\клевета. Важным кажется и указание на то, что в суде может быть доказано, что человек, произнесший «поносные слова», солгал.

Петр I активно вводит в нормативно-правовой оборот и в целом в систему нравственных ориентиров современного ему общества понятие «честь», расширяя его и иногда перенося в совершенно неожиданные сферы. Так, появляются даже «честные науки» и многое другое. Безусловно, это не могло не найти своего отражения в законодательстве.

Обращает на себя внимание, что уже в тексте присяги, в заглавной части «Артикула Воинского», честь обозначается как ценность, равновеликая самой жизни военнослужащего: *«и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду»* [Памятники русского права 1961: 320]. Понятие чести в законодательстве разработано весьма тщательно, так что оскорблениям, наносящим урон чести, противопоставляются насмешки, которые, с точки зрения законодателя, ущерба не наносят. Кроме того, вводится особый вид наказания – «лишение чести» (шельмование), что является новым для отечественного законодательства, например: *«...за непристойное его дерзновение, лишением чести наказать»* [Памятники русского права

1961: 327]; «А кто против сего артикула учинит, лишится чести, чина и имени своего» [Памятники русского права 1961: 333]; «Кто погрешит против того, имеет в том прощения просить, или заключением наказан, или по состоянию дела, чести или живота лишен быть» [Памятники русского права 1961: 324], причем данный вид наказания причислен к тяжелым и иногда применялся не только вместе с лишением имущества, как видно из приведенных цитат, но и со смертной казнью. Выделяются и разновидности смертной казни – так, например, расстрел, в отличие от повешения, не лишает казнимого его чести.

Что характерно, Артикул 139 категорически запрещает поединки, которые являются формами самостоятельной защиты чести. Фактически в момент издания «Артикула Воинского» поединки имели место почти исключительно среди иноземцев, состоящих на военной службе, но дуэли стали распространяться и среди русского дворянского офицерства. Как и в современном ему западноевропейском законодательстве, особенно французском, в «Артикуле» устанавливается беспощадное наказание за вызов на дуэль, независимо от того, что послужило поводом для нее (хотя бы самые тяжкие оскорбления и насилия), а также за принятие вызова, за участие в поединке, в чем бы то ни выразилось (включая роли секундантов). Все участники дуэли, в том числе и раненые, подлежали повешению (казнью с бесчестием) независимо от исхода дуэли. Даже убитого на дуэли предписывалось повесить за ноги.

Таким образом, проанализированный текст позволяет сделать следующие выводы об изменениях, связанных с фиксацией преступлений, совершенных посредством речи. В «Артикуле воинском», по сравнению с предшествующими нормативно-правовыми актами, проходит сложный процесс создания и унификации терминологической парадигмы, связанной с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами. Ранее существовавшие единицы отбрасываются, новые приобретают более однозначное значение и уже не перекрывают друг друга в семантическом плане, как это фиксируется в

предшествующих документах. Появляется важное разграничение устной и письменной формы нанесения оскорбления или клеветы, фиксация различия «насмешки» и «оскорбления», понятие контекста высказывания, когда схожие по составу правонарушения имеют различные меры наказания, зависящие от того, кем и где было совершено данное правонарушение. Продолжается заложенная в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года тенденция к расширению юрисдикции за счет церковного судопроизводства. Укрепляется и расширяется понятие личной, семейной чести и даже чести воинского подразделения, Само понятие «честь» становится одним из важнейших для человека, наряду с имуществом и жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов Е. В.* Петр Первый. Благо или зло для России? Новое литературное обозрение. 2017.
2. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2012.
3. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2012.
4. *Бухтияров А. О.* Артикул воинский 1715 г. и Воинский устав 1716 г.: историко-правовая характеристика. Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 9–1. С. 137–140.
5. *Голев Н. Д., Воробьева М. Е.* Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании. Кемерово, 2017.
6. *Звонов А. В.* Система уголовных наказаний по законодательству периода становления абсолютизма в России: аналитический обзор. Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 158–163.
7. *Ковалев К. С.* Деятельность Российского государства по совершенствованию процессуального права в военной сфере в начале XVIII века. Поволжский педагогический поиск. 2016. № 4(18). С. 19–21.
8. «Памятники русского права». Выпуск восьмой. М., 1961.
9. *Снигирев А. В.* Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах периода создания единого Московского государства. Юрислингвистика. 2017. № 6. С. 58–67.
10. *Снигирев А. В.* Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах Киевской руси и периода феодальной раздробленности. Юрислингвистика. 2016 № 5. С. 88-95.

11. Терентьева В. А. Артикул воинский как источник формирования института освобождения от уголовного наказания. Наука и образование. 2014. С. 259-260.

REFERENCES

1. Anisimov E. V. Peter the Great. Good or evil for Russia? [Petr Pervyj. Blago ili zlo dlya Rossii?]. New literary review. 2017.

2. Baranov A. N. Linguistic examination of the text: theory and practice [Lingvisticheskaya ehkspertiza teksta: teoriya i praktika]. Moscow, 2012.

3. Baranov A. N. Introduction to applied linguistics [Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku]. Moscow, 2012.

4. Bukhtiyarov A. O. Military article 1715 and the Military Charter of 1716: historical and legal characteristics [Artikul voinskij 1715 g. i Voinskij ustav 1716 g.: istoriko-pravovaya harakteristika]. New science: Problems and prospects. 2016. № 9-1. Pp. 137-140.

5. Golev N. D, Vorobyeva M. E. Interpretational functioning of a legal language in ordinary consciousness [Interpretacionnoe funkcionirovanie juridicheskogo yazyka v obydennom soznanii]. Kemerovo, 2017.

6. Zvonov A. V. The system of criminal penalties under the legislation of the period of the formation of absolutism in Russia: an analytical review [Sistema ugolovnyh nakazaniy po zakonodatel'stvu perioda stanovleniya absoljutyizma v Rossii: analiticheskij obzor]. Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2016. № 3 (40). Pp. 158-163.

7. Kovalev K. S. The activities of the Russian state to improve the procedural law in the military sphere at the beginning of the XVIII century [Deyatel'nost' Rossijskogo gosudarstva po sovershenstvovaniyu processual'nogo prava v voennoj sfere v nachale XVIII veka]. Povolzhsky pedagogical search. 2016. № 4 (18) Pp. 19-21.

8. «Monuments of Russian Law. Volume eighth» [«Pamyatniki russkogo prava. Vypusk vos'moj»]. Moscow, 1961.

9. Snigirev A. V. Reflection of offenses caused by speech conflicts in legal documents of the period of the creation of a single Moscow state [Otrazhenie pravonarushenij, vyzvannyh rechevymi konfliktami, v juridicheskikh dokumentah perioda sozdaniya edinogo Moskovskogo gosudarstva]. Jurislinguistics. 2017. № 6. Pp. 58-67.

10. Snigirev A. V. Reflection of offenses caused by verbal conflicts in legal documents of Kievan Rus and the period of feudal fragmentation [Otrazhenie pravonarushenij, vyzvannyh rechevymi konfliktami, v juridicheskikh dokumentah Kievskoj rusi i perioda feodal'noj razdroblennosti]. Yurilingvistika. 2016. № 5. Pp. 88-95.

11. Terentyev V. A. Articulated military as a source of formation of the institution of

liberation from criminal punishment [Aartikul voinskij kak istochnik formirovaniya instituta osvobozhdeniya ot ugovnogo nakazaniya. Nauka i obrazovanie]. Science and education. 2014. Pp. 259-260.

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

УДК 811.161.1'373, ББК 81.411.2-3, ГРНТИ 16.41.21, КОД ВАК 10.02.19

А. П. Майоров

Улан-Удэ, Россия

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ И КОНСИТУАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В КОНФЛИКТОГЕННОМ КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

В процессе экспертного исследования определенных спорных текстов наряду с понятием контекстуального значения актуализируется такое явление, которое представляется уместным назвать «конситуативное значение». В данной статье обосновывается методологическая необходимость введения его в научный оборот. Конситуативное значение – это смысл словесных оборотов (именных выражений, глагольных словосочетаний, высказываний), выходящий за рамки прототипического сигнификата слов и реализующийся в акте референции с опорой на невербальные знаки в определенной коммуникативной ситуации.

В отношении коммуникативной ситуации конфликтогенный креолизованный текст, функционирующий в социальных сетях, выступает в двух ипостасях. Во-первых, он является компонентом коммуникативной ситуации интернет-общения, передавая определенную информацию; во-вторых, он используется как фактор создания некой воображаемой коммуникативной ситуации, выступающей в роли средства суггестивного воздействия на участника интернет-коммуникации. В статье рассматриваются канонические и неканонические ситуации общения, которые в конфликтогенных текстах воссоздаются искусственно с целью формирования конситуативного значения вербальных средств, употребление которых направлено на возбуждение межнациональной розни. С точки зрения целей, поставленных авторами текста, выделяются особенности моделируемых коммуникативных ситуаций. Для канонической ситуации общения идентифицируются два адресата – адресат 1 в вымышленной коммуникативной ситуации и адресат 2 – в реальной интернет-коммуникации. В неканонической ситуации общения выделяются два адресанта –

адресант 1 как условный персонаж моделируемой коммуникативной ситуации, адресант 2 – автор креолизованного текста.

В моделируемых коммуникативных ситуациях широко применяются разного рода невербальные компоненты – графические символы, фото- и видеоизображения, звуковые образы. Они играют главную роль в порождении конситуативных значений.

Разрабатываемые теоретические положения имеют определенную прикладную значимость, которая очевидным образом обнаруживается при анализе креолизованных текстов, отобранных из практики составления судебно-лингвистических экспертиз автором настоящего исследования.

Ключевые слова: конситуативное значение, конфликтогенный креолизованный текст, коммуникативная ситуация, референция, лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Александр Петрович Майоров, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета. 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: map1955@mail.ru

A. P. Mayorov

Ulan-Ude, Russia

COMMUNICATIVE SITUATION AND CONSITUATIVE MEANING IN CREOLIZED CONFLICT-INSTIGATING TEXT

In the process of expertise of certain controversial texts, along with the concept of contextual meaning, there appears a phenomenon which seems appropriate to be called "consituative meaning". This article gives grounds to the methodological necessity of this term introduction into academic circulation. Consituative meaning is the meaning of word expressions (nominal expressions, verbal phrases, utterances) that goes beyond the prototypical signification of words and is implemented in the act of reference based on non-verbal signs in a certain communicative situation.

With regard to the communicative situation, the creolized conflict-instigating text, functioning in social networks, appears in two forms. Firstly, it is a component of the communicative situation of the Internet communication, transmitting certain information; secondly, it is used as a factor to create a kind of artificial communicative situation, acting as a means of suggestive impact on the participant of the Internet communication. The article discusses the canonical and non-canonical situations of communication, which are re-created artificially in conflict-instigating texts to form consituative meaning of verbal means, which is aimed at inducing ethnic hatred. The features of the simulated communicative situations are highlighted from the point of view of the goals set by the initiators. For the canonical situation of communication, two

addressees are identified-the addressee 1 in a fictional communicative situation and the addressee 2 in real Internet communication. In a non-canonical situation of communication, two addressees are distinguished-the addresser 1 as a hypothetical character of the simulated communicative situation, the addresser 2 is the author of the creolized text.

In simulated communicative situations all sorts of non-verbal components are widely used - graphic symbols, photo and video images, sound images. They play a major role in generating consituative meaning.

The devised theoretical principles have certain applied significance, which is clearly seen in the analysis of creolized texts selected from the documented practice of forensic examinations carried out by the author of this study.

Key words: consituative meaning, creolized conflict-instigating text, situation of communication, reference, forensic examination.

About the author: Aleksandr Petrovich Mayorov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolina street, 24a. E-mail: map1955@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-807

Среди спорных текстов, представляемых на судебную психолингвистическую экспертизу по делам о возбуждении межнациональной розни, большое место занимают тексты с невербальными компонентами (в другой терминологии – креолизованные тексты). Основной средой бытования подобных текстов являются социальные сети, в которых передача любой информации немислима без использования невербальных средств. В конфликтогенных креолизованных текстах, размещенных в социальных сетях, активнее всего применяются визуальные образы, которые в сочетании со связанными с ними спорными высказываниями порождают особый тип значения.

В работе [Кожевникова, Осадчий 2012] описаны наиболее примечательные черты конфликтогенного креолизованного текста. Сложное взаимодействие участников конфликтной коммуникации в этом случае «оказывает большое влияние на структуру и особенности построения креолизованного текста как объекта судебной лингвистической экспертизы»

Здесь нельзя не упомянуть такого участника коммуникации, как государство, которое выступает в роли защитника объекта экстремистской направленности текста. Его фигура предопределяет «высокую степень имплицитности смысла конфликтогенного текста» [Кожевникова, Осадчий 2012: 25].

Как уже указано выше, для экстремистских текстов типично использование невербальных средств – особенно визуальных графических символов как средств особой маркировки информации, карикатурного изображения предмета речи, и функции последних освещаются в [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 137–141]. Некоторые невербальные приемы управления пониманием в других видах спорных текстов (визуальная персонификация, визуальная верификация) рассматриваются в [Баранов 2007: 390–411].

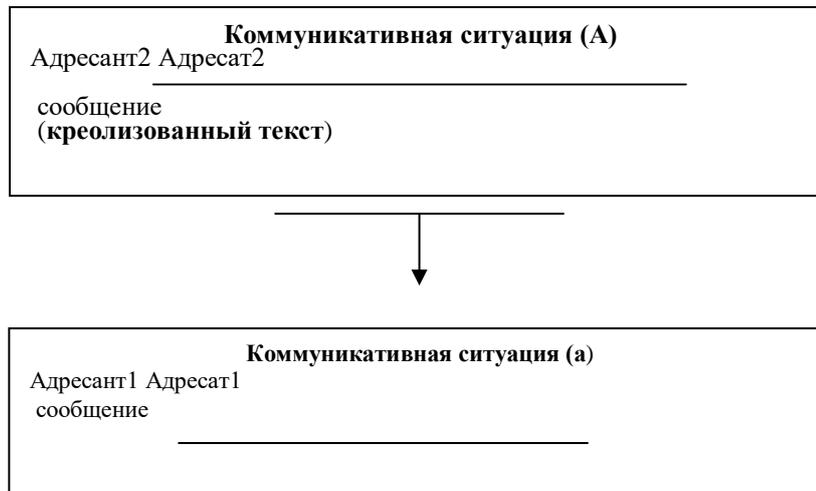
Разработаны классификации креолизованных текстов по принципу характера отношений между вербальным и невербальным компонентами, составляющими структуру текста [Колтышева 2008; Каленых 2013]. Однако такого рода классификации не охватывают всего многообразия конфликтогенных креолизованных текстов.

Термин «конситуативное значение» в современной лингвистике не встречается, при этом понятие «конситуация» в научном обиходе известно с незапамятных времен. Конситуация (или экстралингвистический контекст) – это «ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 238]. Конситуация включает в себя как собственно речевой контекст (непосредственное и дальнее окружение слова, словесного оборота), так и общий опыт участников речи: знание деталей того события, о котором говорится [Краткий справочник 1995: 292]. Исходя из этого, при толковании конситуативного значения необходимо учитывать все указанные признаки конситуации и в первую очередь – саму коммуникативную ситуацию,

которая представляет собой важный фактор актуализации смысловой направленности анализируемых спорных текстов. В свою очередь смысловая направленность текста зависит от специфического типа значения составляющих их высказываний, суть которых и предопределяется экстралингвистическими факторами, связанными с ситуацией порождения текста. Данный тип значения спорных высказываний и слов, которое невозможно истолковать без учета невербальной составляющей, а значит невозможно понять содержание всего текста, условно можно назвать конситуативным значением. Иными словами, конситуативное значение – это смысл словесных оборотов (именных выражений, глагольных словосочетаний, высказываний), выходящий за рамки прототипического сигнификата слов и реализующийся в акте референции с опорой на невербальные знаки, которые используются в определенной коммуникативной ситуации.

Связанная с экстремистской деятельностью виртуальная коммуникация в социальных сетях принимает разнообразные формы, и конфликтогенный текст вступает в сложные отношения с коммуникативной ситуацией, в рамках которой он порожден. В первую очередь, в соответствии с привычным представлением об акте коммуникации, креолизованный текст является компонентом коммуникативной ситуации (А), служа средством передачи информации от адресанта – автора креолизованного текста адресату – участнику виртуальной коммуникации. В то же время конфликтогенный креолизованный текст, используемый в социальных сетях, может выступать как фактор создания некой искусственной коммуникативной ситуации (а), порождение которой отвечает специальной коммуникативной задаче суггестивного воздействия на адресата. При этом тот или иной коммуникант может быть как реальным участником речевого общения, так и вымышленным персонажем. Связь коммуникативной ситуации с креолизованным текстом можно представить в виде следующей

схемы (условная нумерация коммуникантов разъясняется ниже, по ходу исследования):

Поскольку конситуативное значение формируется в недрах коммуникативной ситуации (а), рассмотрим в первую очередь ее.

Чтобы достичь поставленных целей, в экстремистском дискурсе широко используется конструирование особого вида коммуникативной ситуации (а) – канонической ситуации общения с присущими ей диалогичностью, дейктичностью, ситаутивностью, неподготовленностью речи и пр. В подобной моделируемой в рамках конфликтогенного креолизованного текста коммуникативной ситуации присутствуют обязательные составляющие речевого акта – адресант, синхронный адресат и коммуникативная ситуация (в рамках которой осуществляется референция, применяются определенные кодовые системы, характер сообщения). Однако реализуются они, имея свою специфику, predetermined основными коммуникативными намерениями автором креолизованного текста. Рассмотрим коммуникативную ситуацию (а) на примере следующего конфликтогенного креолизованного текста, условно обозначив его как текст (1). В приведенном примере фотоколлаж, размещенный в социальных сетях, использовался для моделирования вымышленной коммуникативной ситуации непосредственного общения – коммуникативной ситуации (а) в нашей схеме. В ней выявляются так называемые эгоцентрические элементы – личное местоимение 2-го л. *вам*, этикетное слово *спасибо*, которое всегда соотносится с говорящим субъектом, обращение

дорогие ветераны. По данным языковым элементам идентифицируется адресант 1 (он же адресант 2).

Текст 1

Другой коммуникант опознается сложнее: с одной стороны, креолизованный текст функционирует как условие моделирования канонической ситуации общения; с другой стороны, он служит определенным кодом в реальной ситуации интернет-общения. Иными словами, в коммуникативных ситуациях (а) и (А) для данного креолизованного текста выявляются два адресата. В первую очередь устанавливается синхронный адресат (адресат 1) – основной для вымышленной канонической ситуации общения компонент; в его роли выступают военнослужащие, одетые в нацистскую форму времен Второй мировой войны. Помимо этого сам креолизованный текст в коммуникативной ситуации (А) необходим для обращения автора¹ фотоколлажа к тем, кто сочувствует его неонацистским взглядам (адресат 2).

¹ Под автором в настоящем исследовании подразумевается тот, кто изготавливает и/или распространяет спорные тексты.

К адресату 1 автор фотоколлажа обращается со словами благодарности (в частности, слово *спасибо*, выражающее чувство признательности немецким солдатам и офицерам и положительную оценку их действий). Одобрение деятельности немецких солдат и офицеров как представителей нацистской идеологии звучит также в обращении *дорогие ветераны*. Положительная оценка этих лиц отображается в семантике прилагательного *дорогой* в значении ‘такой, которым дорожат; важный, ценный для кого-л., чего-л.’ [Словарь русского языка, т. 1 1981: 433]. Кроме этого, лексема *ветеран* обозначает старого, опытного воина, участника многих боев, и это значение наделено положительной коннотацией ‘заслуженный’ [Словарь русского языка, т. 1 1981: 158], ‘вызывающий уважение’. Характерно, что для большинства носителей современного русского языка в содержании слова *ветеран* также актуален имплицитный семантический признак ‘участник Великой Отечественной войны’.

В исследуемом акте референции у слова *ветеран* реализуется конситуативное значение, для дефиниции которого, чтобы в то же время установить смысловую направленность креолизованного текста, следует прибегнуть к приему модальной рамки:

‘Я говорю, обращаясь к тем, кто изображен в фотоколлаже, что испытываю чувство благодарности к немецко-фашистским военнослужащим, считая их заслуженными участниками боевых действий’.

Необходимо подчеркнуть, что акт референции в данном случае предопределяет реализацию не референциального значения слова *ветеран*, отражающего типичные семантические признаки (прототипический сигнификат) и коннотации у того класса объектов, к которому принадлежит денотат «ветеран», а конситуативного значения, которое в результате соотнесения вербального компонента с невербальным актуализирует смысл слова с полярными по отношению к языковому значению коннотациями.

Анализируемый креолизованный текст является ключевым в данной интернет-коммуникации – коммуникативной ситуации (А), имея определенное

коммуникативное задание для адресата 2. Обычно у экстремистского дискурса выделяются разнообразные типы макроцелей [Методические рекомендации 2014: 5–6], среди которых анализируемому тексту присущи макроцель самопрезентации – способа речевого воздействия, реализующегося в публичном выражении своего сочувствия взглядам нацистов, и ценностно-ориентированная макроцель – речевое воздействие с целью изменения ценностных ориентаций адресата 2 (формирование представления о нацистских преступниках как положительных героях).

Данная конфликтогенная смысловая направленность текста (1) вызвала соответствующую реакцию государства, стоящего на страже законов и защиты прав граждан. Так, по поводу размещения в социальной сети «ВКонтакте» информационных материалов в форме высказываний, предположительно содержащих признаки отрицания фактов, которые были установлены приговором Международного военного трибунала, провозглашенным в Нюрнберге 1 октября 1946 года, правоохранными органами были осуществлены оперативно-розыскные мероприятия. В результате от них пришел запрос о проведении комплексного психолингвистического исследования. Среди вопросов, поставленных перед экспертами, был вопрос об отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, а также об одобрении преступлений, установленных указанным приговором.

Установление конситуативного значения отдельных словесных оборотов и смысловой направленности креолизованного текста в целом дали возможность ответить на вопрос положительно. Так, фотоколлаж с немецко-фашистскими захватчиками и с нанесенной на фотоизображения надписью «Спасибо вам, дорогие ветераны!» следует рассматривать как креолизованный текст, выражающий одобрение преступных действий нацистов во время Второй мировой войны. Цель воздействия на адресата 2 в данном случае – это формирование у посетителя персональной страницы автора положительного отношения к немецко-фашистским захватчикам.

Разновидность описанной выше коммуникативной ситуации предстает в примере другого креолизованного текста – текст (2)

Текст 2

Текст (2) также участвует в создании воображаемой непосредственной ситуации общения – коммуникативной ситуации (а), в которой, благодаря глагольной форме повелительного наклонения в словосочетании *убери руки*, идентифицируется адресант 1 (он же адресант 2). Здесь также эксплицитно выражен адресат 1 (синхронный адресат), которого адресант называет *мангадьярой*¹ и к которому, собственно, он и обращается. Также креолизованный текст в реальной интернет-коммуникации, за пределами вымышленной канонической ситуации общения, предназначен для воздействия на адресата 2.

К адресату 1 автор фотоколлажа обращается с требованием «убрать руки». В современном русском языке выражение *Убери руки* представляет

¹ Слово *мангадьяра* – это лексическая единица, регионализм, образованный в русской речи на территории Бурятии с помощью русского суффикса *-яр(а)* от заимствованного из бурятского языка слова *мангад* ‘прост. зап. русский’ [Шагдаров. Черемисов, I 2006: 535]. Суффикс *-яр/-ар(а)* придает презрительно-увеличительный (термин В. В. Виноградова) оттенок значению слова, поскольку в русской разговорной речи, особенно в просторечии, именно это субъективно-эмоциональное отношение с помощью данного суффикса стремится передать говорящий (ср., например, в словах *водяра, волчара, бомжара, лошара, сучара, козляра, котяра* и др.). Таким образом, слово *мангадьяра* используется для выражения презрительно-увеличительного, пренебрежительного отношения к представителям русской нации и, соответственно, – унижительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок в отношении лиц по признаку их принадлежности к русскому этническому сообществу.

собой устойчивый речевой оборот, передающий требование устранить какой-то телесный контакт или прекратить какие-то насильственные действия с участием рук. Это выражение употребляется и в другом, переносном значении, и оно связано с коммуникативным намерением говорящего субъекта не допустить продолжения начинающегося конфликта или выразить нежелание какого-либо дальнейшего общения с другим участником речевого взаимодействия. Для адресата в канонической ситуации общения выражение *Убери руки* должно служить знаком неприязненного и даже враждебного отношения к нему адресанта.

В акте референции текста (2) высказывание *Убери руки, мангадяра!* соотносится с визуальными образами молодых людей в национальных одеждах, символизирующих русский и бурятский этносы; с учетом данной референции конситуативное значение высказывания с помощью модальной рамки толкуется следующим образом:

‘Я хочу, чтобы ты, принадлежа русской нации, прекратил какое-либо общение с лицами женского пола бурятской национальности’¹.

Особенность текста (2) состоит в том, что адресат 2 включает круг лиц, получающий особую значимость в рамках актуализируемой автором этнокультурной оппозиции «Свой-Чужие». Под адресатом 2 как основным объектом суггестивного воздействия имеются в виду те представители бурятской этнической общности, которые разделяют националистические взгляды автора или сочувствуют им.

Тексту (2) присуща экстремистская направленность, и поэтому здесь преследуются несколько иные коммуникативные цели. Из них особенно актуальны в данном случае установление эмоционального контакта с адресатом 2, изменение ценностных ориентаций личности, побуждение адресата 2 к определенным действиям.

¹ При толковании данного конситуативного значения следует учитывать своеобразие имплицитных смыслов, заложенных в высказывание. Если в общерусском языке выражение *Убери руки* содержит коммуникативную импликацию о имевшемся ранее телесном контакте или насильственных действиях с применением рук, то в региональном узусе русского языка в Бурятии стоит говорить о пресуппозиции ‘В Бурятии как многонациональном регионе близкие контакты лиц разных национальностей естественны’, на фоне которой высказывание *Убери руки, мангадяра!* выступает как националистически маркированное кредо автора.

Как уже отмечалось, государство в лице правоохранительных органов встает на защиту тех, кто является объектом экстремистской деятельности. Размещение креолизованного текста (2) в социальных сетях вызвало запрос правоохранительных органов на проведение комплексного психолингвистического исследования. Один из главных вопросов, поставленных на разрешение перед экспертами, звучал следующим образом: содержится ли в представленных на исследование материалах признаки возбуждения национальной, социальной ненависти либо вражды?

В свете установленного конситуативного значения высказывания текста (2) и выявленных в нем целей в ответе экспертов сообщалось, что данное высказывание в синтезе с невербальным компонентом содержит признаки возбуждения национальной ненависти и вражды.

В качестве способа воздействия и побуждения к действию, помимо искусственно создаваемых текстами (1) и (2) канонических ситуаций общения, в экстремистском дискурсе употребляется иной тип коммуникативной ситуации (а) также в рамках креолизованного текста – текст (3).

Текст 3

В отличие от описанных коммуникативных ситуаций (а) в текстах (1) и (2) здесь моделируется неканоническая ситуация общения, характеризующаяся неполным составом обязательных для канонической коммуникативной ситуации компонентов. Так, она отличается отсутствием синхронного адресата,

адресантом в данном речевом акте выступает некий символический персонаж в образе свиньи. Строго говоря, с учетом двухслойной коммуникативной природы функционирующего в социальных сетях конфликтогенного креолизованного текста, в коммуникативных ситуациях (а) и (А) следует выделять два адресанта: адресант 1 – зооморфизм «свинья» в коммуникативной ситуации (а); адресант 2 – автор креолизованного текста в коммуникативной ситуации (А).

В коммуникативной ситуации (А) обнаруживается коммуникативное намерение адресанта 2, которое, как и во многих других экстремистских дискурсах, заключается в стремлении передать унижительную характеристику лиц по национальному признаку и тем самым возбудить враждебное отношение к представителям данной этнической группы. Для идентификации указанного коммуникативного намерения был востребован семантико-синтаксический и лингвопрагматический анализ высказывания *Я русский*. По смысловой организации это предложение характеристики, в котором субъекту *Я* приписывается таксономический предикат ‘русский’, указывающий на вхождение характеризуемого субъекта в класс объектов по признаку принадлежности к этническому сообществу русских.

В акте референции местоимение *я* в роли подлежащего соотносится с фотоизображением свиньи, которое любой воспитанный в российском социокультурном пространстве адресат в данной коммуникативной ситуации (а) воспримет как зоосемизм. В культурном коде российского языкового сообщества образ свиньи ассоциируется с «физически и/или нравственно нечистоплотным человека, человеком непорядочным, нарушающим нормы приличия и правила поведения, невежественным, грубым» [Русское культурное пространство 2004: 149]. В результате анализируемый креолизованный текст служит основой для формирования конситуативного значения высказывания *Я русский*, и его с помощью модальной рамки можно сформулировать следующим образом:

‘Я говорю, что я принадлежу этнической общности русских и ассоциируемые с моим образом черты непорядочности, невежественности, грубости и др. приписываются этим людям’.

В качестве предмета экспертного исследования определение конситуативного значения было необходимым при ответе на вопрос: содержится ли в представленных на исследование материалах информация, передающая унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении лиц по признаку их принадлежности к какой-либо национальной (социальной) группе? Ответ эксперта опирался преимущественно на анализ конситуативного значения высказывания *Я русский*. В частности, он подтвердил, что текст содержит информацию, характеризующую представителей русской нации крайне негативно, и выражаемая отрицательная эмоциональная оценка как признак возбуждения национальной ненависти и вражды является средством воздействия на адресата.

Таким образом, конфликтогенный креолизованный текст выступает неотъемлемой частью экстремистского дискурса. Для достижения поставленных целей в нем конструируются разнообразные коммуникативные ситуации, и среди них активнее всего используются канонические и неканонические ситуации общения, в моделировании которых ключевую роль играют невербальные компоненты. Подобные коммуникативные ситуации порождают особый смысл у вербальных средств как компонентов креолизованного текста, передающих коммуникативное намерение адресантов, – смысл, который в данном исследовании определяется через термин «конситуативное значение». Его толкование дает возможность разъяснить смысловую направленность конфликтогенного креолизованного текста обоснованно и непротиворечиво, что имеет непреходящее практическое значение при производстве лингвистических экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
2. Каленых Е. В. Невербальное относительно вербального в рецепции поликодового текста веб-сайта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
4. Кожевникова Е. А., Осадчий М. А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2012. № 19-1. С. 22–29.
5. Колтышева Е. Ю. Креолизованная диктема как структурно-смысловой элемент рекламного текста. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2008. № 1. С. 168–176.
6. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; Под ред. П. А. Леканта. М., 1995.
7. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
9. Методические рекомендации по анализу текстов экстремистской направленности для определения степени их воздействия на читателя. М., 2014.
10. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Выпуск первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М., 2004.
11. Словарь русского языка: В 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1.
12. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Улан-Удэ, 2006–2008. Т. I.

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Linguistic expertise of the text: theory and practice* [Lingvisticheskaja ekspertiza teksta: teorija i praktika]. Moscow, 2007.
2. Kalyonih E. V. *Nonverbal with respect to the verbal in the reception of the polycode text of the website* [Neverbalnoje odnositelno verbalnogo v recepcii polikodovogo teksta veb-saita]. Ulan-Ude, 2013.
3. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics* [Lingvisticheskaja semantika]. Moscow, 2000.
4. Kozhevnikova E. A., Osadchii M. A. *Creolized text as an object of forensic linguistic examination* [Kreolizovannyj tekst kak objekt sudebno-lingvisticheskoy ekspertizy]. Bulletin of the

Kemerovo State University of Culture and Arts: Journal of Theoretical and Applied Research. 2012. № 19-1. Pp. 22–29.

5. Koltysheva E.Yu. *Creolized dictate as a structural and semantic element of the advertising text* [Kreolizovannaja diktema kak strukturno-smyslovoj element reklamnogo teksta]. Bulletin of the Kemerovo State University named after N.A.Nekrasov. 2008. № 1. Pp. 16–176.

6. *A short guide to modern Russian language* [Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu jazyku] / L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov, P. A. Lekant. Edited by P. A. Lekant. Moscow, 1995.

7. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. *Methodology for compiling forensic psychological and linguistic expertise of materials on cases related to counteraction to extremism and terrorism* [Metodika provedenija sudebno-psihologo-lingvisticheskoj ekspertizy materialov po delam, sviazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu]. Moscow, 2014.

8. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* Chief Editor V. N. Yarceva [Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar. Glavnyj redaktor V. N. Yarceva]. Moscow, 1990.

9. *Methodological recommendations on the analysis of extremist texts to determine the extent of their impact on the reader* [Metodicheskie rekomendacii po analizu tekstov ekstremistskoj napravlenosti dlja opredelenija stepeni ih vozdeistvija na chitatelja]. Moscow, 2014.

10. *Russian cultural space: Dictionary of language and culture: Issue first* / I. S. Bryleva, N. P. Volskaja, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh [Russkoje kulturnoje prostranstvo: Lingvokulturogicheskiy slovar. Vypusk pervyj / I. S. Bryleva, N. P. Volskaja, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh]. Moscow, 2004.

11. *Dictionary of the Russian language in four volumes* / Edited by A.P.Evgenjeva [Slovar russkogo jazyka v 4 tomah / Pod redakciej A. P. Evgenjevoj]. Moscow, 1981. Vol. I.

12. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryad-orod toli. Buryat-Russian dictionary. In two volumes* [Buryad-orod toli. Burjatsko-russkiy slovar. V dvuh tomah]. Ulan-Ude, 2006–2008. Vol. I.

ЛИНГВОЭКСПЕРТОЛОГИЯ

УДК 659.4:81'42, ББК 67.53, ГСНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.19

С. В. Доронина

Барнаул, Россия

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ»

С 19 по 21 сентября 2018 года в Российском Федеральном Центре Судебной Экспертизы прошел семинар «Актуальные проблемы судебной экспертизы экстремистских материалов». Актуальность избранной темы, по справедливому заявлению организаторов мероприятия, трудно переоценить, поскольку данный вид экспертного исследования является одним из наиболее частотных в практике СЭУ. С другой стороны, преступления, для расследования которых проводится такая экспертиза, носят характер повышенной общественной опасности. На семинаре были представлены доклады практикующих экспертов системы экспертных учреждений Минюста, актуализировавшие наиболее сложные случаи применения методики при производстве судебных экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Феномен речевого экстремизма получил на семинаре всестороннее рассмотрение: были затронуты процессуальные проблемы, отражающиеся в требованиях к оформлению экспертного заключения, проблемы применения экспертной методики к текстам различных речевых жанров, вопросы, возникающие на каждом из этапов экспертного исследования: выявление предмета речи, ее адресата, установление речевой цели высказывания и разграничение коммуникативной цели автора высказывания и публикатора текста.

Ключевые слова: судебная экспертиза, юрислингвистика, экстремизм, терроризм.

Сведения об авторе: Светлана Валерьевна Доронина, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета; государственный судебный эксперт ФБУ «Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста России». 656034, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а. E-mail: doroninasv73@mail.ru

S. V. Doronina

Barnaul, Russia

APPLIED SCIENCE SEMINAR «ACUTE ISSUES OF FORENSIC EXAMINATION OF EXTREMIST MATERIALS»

The seminar "Acute Issues of Forensic Expertise of Extremist Materials" was held at Russian Federal Center for Forensic Expertise from September 19 to September 21, 2018. According to a fair statement of the hosts of the event, the challenging character of the selected topic, according to a fair statement by the organizers of the event, can not be overemphasized, since this type of expert study is one of the most frequent in the practice of SEP. On the other hand, the crimes for the investigation of which such an examination is conducted are of an increased public danger. The seminar featured reports of expert practitioners from the expert community of the Ministry of Justice, who updated the most complicated instances of applying forensic examination methodology to cases related with counter- extremism and counter- terrorism. Speech extremism as a phenomenon was deeply considered at the seminar: procedural problems were raised, as reflected in the requirements for expert findings documenting, the problems of applying expert methodology to texts of various speech genres, the issues arising at each stage of the expert study: identifying the subject of speech, its addressee, establishing the speech goal of the utterance and the distinction between the communicative goal of the author of the utterance and the publisher of the text.

Key words: forensic science, forensic linguistics, extremism, terrorism.

About the author: Svetlana Valerievna Doronina, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Applied Philology, Literature and Russian Language, Altai State University. State Judicial Expert of the FBU Altai Forensic Laboratory. 656034, Barnaul, Dimitrova street, 66, office 413a. E-mail: doroninasv73@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-809

С 19 по 21 сентября 2018 года в Российском Федеральном Центре Судебной Экспертизы прошел семинар «Актуальные проблемы судебной экспертизы экстремистских материалов». Актуальность избранной темы, по справедливому заявлению организаторов мероприятия, трудно переоценить, поскольку данный вид экспертного исследования является одним из наиболее частотных в практике СЭУ. С другой стороны, преступления, для расследования которых проводится такая экспертиза, носят характер повышенной

общественной опасности. Таким образом, для Министерства юстиции РФ работа в данном направлении является приоритетной. В целях повышения валидности экспертных исследований специализированной межведомственной группой Минюста, МВД и ФСБ разрабатывается унифицированная методика, построенная на единых исследовательских презумпциях и призванная снять разногласия в выводах экспертов разных ведомств.

На семинаре были представлены доклады практикующих экспертов системы экспертных учреждений Минюста, актуализировавшие наиболее сложные случаи применения методики при производстве судебных экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Феномен речевого экстремизма получил на семинаре всестороннее рассмотрение: были затронуты процессуальные проблемы, отражающиеся в требованиях к оформлению экспертного заключения, проблемы применения экспертной методики к текстам различных речевых жанров, вопросы, возникающие на каждом из этапов экспертного исследования: выявление предмета речи, ее адресата, установление речевой цели высказывания и разграничение коммуникативной цели автора высказывания и публикатора текста.

В сфере современной массовой коммуникации сегодня наблюдается смена уличной и митинговой активности на интернет-активность. Это весьма эффективный способ расширения аудитории, направленный преимущественно на молодежную аудиторию и порождающий так называемый «пассивный экстремизм» – участие в распространении информации экстремистского содержания средствами, предоставляемыми интернетом (репосты, лайки, комментарии). Распространение праворадикальных идеологических установок осуществляется методом вброса – массовой републикации одной и той же информации с минимальными изменениями. Таким образом, запрещенная идеология распространяется путем эмоционального заражения аудитории.

Сегодня правоохранительные органы столкнулись со сложной проблемой, обусловленной, с одной стороны, необходимостью пресечения данного опасного латентно развивающегося процесса, а с другой, – требованием законности,

соблюдения прав и свобод граждан демократического многонационального и многоконфессионального государства и, в первую очередь, конституционного права на свободу слова. Для правильной квалификации деяния необходимо установление преступного умысла на разжигание межгрупповой вражды и ненависти. Присутствие такого умысла должно подтверждаться совокупностью доказательств, в ряду которых психолого-лингвистическая экспертиза, устанавливающая преимущественно речевые цели автора текста, является далеко не единственным (см. Постановления Пленума Верховного суда № 11 от 28.06.2011г. и № 32 от 20.09.2018 г.).

В ходе обсуждения вопросов участия эксперта в расследовании правонарушений данного типа была отмечена необходимость подробного анализа коммуникативной ситуации, в рамках которой проходит общение. Данный этап исследования особенно важен при анализе устных межличностных диалогов в жанре ссоры, происходящей, как правило, на бытовой почве. Конфликт, порождающий уничижительные высказывания, как правило, не имеет национального/религиозного характера и не представляет потенциальной угрозы стабильности обществу. Вместе с тем было неоднократно отмечено, что обстоятельства коммуникативной ситуации не всегда достоверно и полно отображаются в материалах дела, что, в свою очередь, не дает экспертам возможности правильно установить характер речевых и коммуникативных целей и разграничить бытовую и этническую враждебность.

Характер коммуникативной ситуации оказывается крайне важен при экспертизе материалов, размещаемых на страницах пользователей социальных сетей. В ходе дискуссии была отмечена важность характера информации, сообщаемой автором интернет-страницы о себе. Иногда для воссоздания достоверной картины необходимо получить расширенные сведения об авторе, которые могут позволить эксперту-психологу сделать заключение о характере коммуникативных целей говорящего. Действия публикатора доступны и лингвистическому анализу, если присутствуют вербальные показатели коммуникативной цели (выраженные в статусе, заголовки и комментариях к

размещаемым материалам, а также если содержание блога или аккаунта в целом является однородным и выражает «экстремистские» значения). Вместе с тем безусловно проблемными были признаны случаи, при которых автор интернет-страницы ничего не сообщает о себе, материалы «экстремистского» характера размещаются в виде некомментируемых репостов в числе прочих незначимых для следствия материалов. Коммуникативные установки публикатора материала в таких контекстах не просматриваются. В целях более четкого разграничения объектов исследования – текста, с одной стороны, и деятельности субъекта в интернете, с другой, – было предложено разграничивать результаты анализа содержания материала и действий публикатора в экспертных выводах.

Активному обсуждению были подвергнуты доклады, посвященные экспертизе текстов в контексте ст. 148 УК РФ «Об оскорблении чувств верующих». В ходе дискуссии участники семинара – эксперты разных специальностей – пришли к мнению о субъективной природе феномена религиозных чувств. Научная неопределенность данного феномена делает обнаружение лингвистических или психологических признаков правонарушения практически невозможным. Не было приведено ни одного экспертного случая, который был бы единодушно расценен экспертным сообществом как соотносимый с диспозицией ст. 148 УК РФ.

Обсуждению подверглись процессуальные вопросы привлечения к исследованию эксперта-религиоведа и задачи, разрешаемые в рамках его научной области. Было высказано мнение о необходимости привлекать специалиста в области религиоведения только в случае поступления на экспертизу специальной богословской литературы и только для ответа на вопрос о том, какая религиозная идеология отражена в исследуемом контексте. При анализе других материалов (высказываний устной речи, демотиваторов) предметом исследования являются лексемы, отражающие религиозные и культурные концепты, толкование которых может быть произведено лингвистическими методами.

Большое внимание в ходе семинара было уделено анализу поликодовых текстов. Нерешенной задачей экспертной методики является создание метаязыка описания невербальных компонентов текста. Актуальным является вопрос о границах вербализации значения в креолизованных текстах: какие смыслы устанавливаются категорически, а какие являются вероятными. Наибольшую сложность представляет анализ креативных речевых тактик, языковой игры, с помощью которой намеренно создается двусмысленный контекст, приводящий эксперта к вероятным выводам.

Относительно новым средством передачи информации и объектом экспертного анализа является интернет-мем. Интернет-мем – особая единица коммуникации, обладающая собственным значением. Выявление значения мема и его учет в процессе анализа демотиваторов представляет собой особую экспертную задачу в том случае, когда в качестве мема используется невербальный знак. Изобразительный мем, как правило, является источником оценочного значения, которое, однако, пока не получило объективного научного описания. Поэтому у эксперта отсутствует надежная научная база и разрешенные к применению экспертные методы, позволяющие установить значение символа.

Неоднократно возникало обсуждение тех поликодовых текстов, в структуре которых значение объекта речи выражено невербально – с помощью фото- и карикатурных изображений. Это доказывает, что изобразительный компонент текста несколько чаще, чем вербальный, становится источником множественных толкований контекста, что, в свою очередь, приводит эксперта к вероятным выводам или ошибкам в интерпретации. Представляется, что данная особенность невербального контекста замечена и самими создателями экстремистских материалов, о чем свидетельствует наблюдаемое увеличение демотиваторов, в которых объект речи выражен невербально.

Активному обсуждению были подвергнуты прецеденты участия эксперта-лингвиста в делах о реабилитации нацизма (ст. 354.1 УК РФ). Было решено, что формулировка статьи закона «Распространение выражающих явное неуважение

к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества...» требует от эксперта проведения предметно-тематического анализа с установлением объекта речи и того, что сказано об объекте. Кроме того, необходима оценка способа выражения содержания как утверждения о факте / мнения / оценки и его приличной/неприличной формы. Таким образом, современные методики позволяют эксперту оказать требуемую помощь судебно-следственным органам в установлении признаков, значимых для оценки деяния.

В заключение семинара был сделан анонс разработанного методического пособия «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе» под ред. С. А. Смирновой. Пособие предлагает перечень общенаучных методов лингвистики, пригодных для производства разных видов судебной экспертизы и таким образом дает эксперту возможность выбора стратегии научного исследования речевого материала в каждом конкретном экспертном случае.

Из всего многообразия современных лингвистических методов в пособии отражены лишь общепринятые, отвечающие требованиям надежности и воспроизводимости научного результата. Охарактеризованы возможности каждого метода по отношению к исследуемым судебной лингвистической экспертизой объектам и ставящимся перед экспертом задачам. Представленная в пособии методологическая база лингвиста-эксперта разделена на общенаучные, частно-научные и специальные методы судебной экспертизы. Определен объект и цели судебной лингвистической экспертизы. Таким образом, пособие решает не только практические, но и теоретические задачи, организуя деятельность эксперта в соответствии с основами общей теории судебной экспертизы, и вследствие этого может являться базовым учебным пособием при подготовке кадров по экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности».

УДК 81.3, ББК 67.53, ГРНТИ 16.21.33, КОД ВАК 10.02.19

Г. С. Иваненко

Челябинск, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются перспективы взаимоотношений между двумя направлениями лингвистики: лексикографией и лингвистической экспертизой. Исследуется взаимодействие и взаимовлияние названных дисциплин в плоскости семантического анализа: лингвоэкспертология обозначает точки максимального интерпретационного напряжения, выявляет отдельные слова и типологические группы лексем, требующих разработки лексикографией. Лингвистическая экспертиза – заказчик лексикографического продукта, его пользователь, катализатор проблемных ситуаций, экспликатор нерешенных лексикографией вопросов, посредник между речевой практикой и лексикографическим описанием языка. Лексикография – производитель лексикографического продукта, обработчик информации, классификатор и квалификатор, посредник между языковой системой и ее пользователем – лингвоэкспертологией.

Выделяется три запроса лингвоэкспертологии к лексикографии: 1) уточнение, корректировка значений давно известных языку слов; 2) определение семантического объема и дифференциация значений новых слов; 3) описание значений слов в составе устойчивых семантико-грамматических конструкций.

В статье показывается, как в конкретных экспертных ситуациях оказывается недостаточно описаний давно известных языку слов. Многие описания не меняются за всю историю существования русской лексикографии, в то время как язык меняется, и динамические процессы в области семантических отношений требуют корректировки дефиниций. Не меньшего внимания лексикографии требуют к себе слова, появившиеся в языке в последние годы и вызывающие в экспертной практике конфликт интерпретаций. Также выделяется такая единица толкования, как лексико-грамматическая конструкция, значение слова в которой имеет специфическую семантику, требующую описания.

Настоящий материал нацелен не только на обозначение болевых точек лингвистической экспертизы, в которых практическое направление лингвистики ищет поддержки у лексикографии, но и на побуждение лингвистического сообщества к созданию некоего банка спорных толкований, потенциально способного стать источником трансформации / конкретизации лексикографических описаний.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лексикография, семантика, интерпретация.

Сведения об авторе: Галина Сергеевна Иваненко, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 454080, Челябинск, пр-т Ленина, 69. E-mail: gala.april@mail.ru

G. S. Ivanenko

Chelyabinsk, Russia

LEXICOGRAPHY AND LINGUISTIC EXPERTISE: PROSPECTS OF MUTUAL RELATIONS

The article discusses the prospects of the relationship between the two areas of linguistics: lexicography and linguistic expertise. It explores the interaction and mutual influence of these disciplines in the plane of semantic analysis: linguotextology indicates the point of maximum interpretive tension, identifies individual words and typological groups of tokens that require the development of lexicography. Linguistic expertise is a customer of lexicographical product, its user, catalyst of problem situations, explicator of unsolved lexicographical questions, mediator between speech practice and lexicographical description of language. Lexicography is a manufacturer of lexicographical product, information processor, classifier, and qualifier, the mediator between the linguistic system and its user – linguotextology.

There are three demands of linguoexpertology to lexicography: 1) clarification, correction of the meanings of long-known words; 2) definition of semantic volume and differentiation of the meanings of new words; 3) description of the meanings of words as part of stable semantic and grammatical structures.

The article shows how specific expert situations lack descriptions of long-known words of the language. Many descriptions have not changed during the whole history of Russian lexicography, while the language is changing, and dynamic processes in the field of semantic relations require correction of definitions. No less attention is required to lexicography of words that have appeared in the language in recent years and cause a conflict of interpretations in expert practice. Also a unit of interpretation is introduced as a lexical-grammatical construction, the meaning of which has a specific semantics that require description.

This material is aimed not only at identifying the weak points of linguistic expertise, where applied linguistics is looking for support in lexicography, but also to encourage the linguistic community to create a Bank of controversial interpretations, potentially able to become a source of transformation / specification of lexicographical descriptions.

Key words: linguistic expertise, lexicography, semantics, interpretation.

About the author: Galina Sergeevna. Ivanenko, Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian, South Ural State University of Humanities and Education. 454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69. E-mail: gala.april@mail.ru

DOI 10.14258leglin(2018)7-810

Опыт производства лингвистических экспертиз свидетельствует о неизбежности использования лингвистом-экспертом результатов лексикографического труда. Редкая экспертиза не содержит ссылок на данные словарей. Обращение к словарям обусловлено потребностью установить спектр значений слова, значимые для результатов исследования оттенка семантики лексемы, стилистическую окраску. Далеко не всегда, в силу активных динамических процессов в области лексики, словари содержат актуальную информацию [Крысин 2008: 109]. Эксперты нередко вынуждены делать самостоятельные выводы, основываясь на анализе языкового материала, на результатах обработки данных Национального корпуса русского языка, на обращении к сведениям из монографий, статей по теме исследования. Однако выводы эксперта, не поддержанные данными словарей, вполне обоснованно воспринимаются участниками судебного процесса с некоторым недоверием. Именно словари имеют в общественном мнении статус надежных источников верифицированной информации о семантике и стилистике слова, что в целом представляется вполне объективным. Хотя, конечно, выбор значения слова из представленных в словаре согласно условиям контекста – процедура уже творческая, нередко становящаяся источником конфликта интерпретаций. Нередко лингвист-эксперт вынужден заявлять о не зафиксированном словарями значении, об изменении стилистики слова в современной языковой ситуации. Выводы отдельного исследователя по частному вопросу могут быть в различной степени значимы для формирования общеязыковой картины, однако, независимо от успешности отдельных трактовок, важно осознать наметившуюся межпредметную связь: лингвистическая экспертиза как

практическая область реализации лингвистического знания может послужить лексикографии своеобразным индикатором проблемных сфер.

Любые взаимоотношения предполагают двунаправленные, взаимообратные векторы интереса, воздействия, влияния. Являются ли отношения лингвистической экспертизы и лексикографии взаимными и могут ли они быть таковыми? Чем одно направление лингвистики может помочь другому? Представляем взаимодействие лингвоэкспертологии и лексикографии, каким оно видится, в таблице № 1.

Таблица № 1. Взаимодействие лексикографии и лингвистической экспертизы

Лингвистическая экспертиза	Лексикография
Заказчик лексикографического продукта	Исполнитель лексикографического продукта
Пользователь	Создатель, производитель
Катализатор проблемных ситуаций, экспликатор нерешенных лексикографией вопросов	Обработчик информации, классификатор и квалификатор
Посредник между речевой практикой и лексикографическим описанием языка	Посредник между языковой системой и ее пользователем – лингвоэкспертологией

Естественным образом существующее межпредметное взаимодействие может иметь своим результатом как продуктивное решение рабочих проблем, так и нарушение границ компетенции. Поэтому рассмотрение точек междисциплинарного контакта, направлений и характера такого взаимодействия способно активизировать практически значимые направления исследований. Анализ лингвоэкспертной практики в аспекте обращения к лексикографическим источникам позволил выделить в настоящем материале три связанные позиции, по которым лингвистическая экспертиза создает запрос

лексикографии. Очевидно, количество таких позиций большее, например, многие говорят о востребованности обновленных стилистических помет [Голев 2002]. Востребованы словари инвективной и ненормативной лексики [Бельчиков 2002; 2003], хотя нерешенный вопрос о соотношении статичных и динамичных составляющих стилистической характеристики слова затрудняет решение этой задачи.

Обратимся здесь к тем аспектам, материал для которых дали конкретные судебные разбирательства. Описание судебной коллизии помогает понять лингвистическую нишу вопроса и спроецировать экспертные вопросы практического характера на теорию лексикографии. Ограничимся также вопросами собственно семантического характера. Выделим три запроса лингвоэкспертологии к лексикографии:

- 1) уточнение, корректировка значений давно известных языку слов;
- 2) определение семантического объема и дифференциация значений новых слов;
- 3) описание значений слов в составе устойчивых семантико-грамматических конструкций.

Рассмотрим репрезентирующие эти ниши три ситуации, в которых для решения правового конфликта потребовалось привлечение лингвистики, а именно лексикографии.

I. Уточнение, корректировка значений давно известных языку слов.

Проиллюстрируем проблему описанием правового и лингвистического конфликта, связанного с трактовкой семантики слова *продольный*. Понятие это оказалось в центре спора о тождестве / различии изобретений, рассматриваемых в суде по их патентным описаниям. Вопрос к патентоведу: «Свидетельствуют ли описания патентов об одинаковых изобретениях или о различных?» – оказался, как выяснилось в ходе разбирательства, лингвистическим.

Патент № 1: *Канал для циркуляции бурового раствора выполнен под углом к образующей поверхности посадочного конуса корпуса от 10 до 55 градусов.*

Патент № 2: *Каналы посадочного конуса внутреннего корпуса выполнены продольными по отношению к образующей поверхности посадочного корпуса.*

Эксперт-патентовед так ответил на вопрос:

«Общепринятое значение понятия «продольный» понимается как проходящий по направлению длины, расположенный по длине чего-либо [Кузнецов 1998; Евгеньева 1999; Ефремова 2001]. Значение данного словесного элемента [продольный] не требует строгой параллельности каналов и образующей корпуса и допускает отклонение от продольной оси корпуса. Исходя из данного смысла, выполнение пазов изделия в полном соответствии с Документацией и Паспортом под углом в 10-55 градусов к образующей наружной поверхности внутреннего корпуса соответствует признаку формулы, предполагающей ориентацию каналов по направлению длины образующей поверхности корпуса (то есть продольно)» [Борщ-Компанеев 2010].

Вопросы лингвистического характера, связанные с раскрытием семантики понятия *продольный*:

- Может ли «расположенный под углом» быть назван «продольно расположенным»?
- Предполагает ли понятие *продольный* расположение под углом к оси?
- Совместимы ли применительно к одному и тому же объекту характеристики «расположенный под углом» и «продольный»?

Как следует из процитированного ответа, патентоведом была представлена следующая позиция:

- «*Расположенный под углом*» может быть назван «*продольно расположенным*».
- Понятие *продольный* допускает расположение под углом к оси 10-55 градусов.
- Применительно к одному и тому же объекту допустимы характеристики «*расположенный под углом*» и «*продольный*».

Для выяснения соотношения двух понятий применяем лексико-семантический анализ. Оттолкнемся от значений, представленных в толковых словарях, начав с первого, в котором слово зафиксировано – словаря В. И. Даля.

ПРОДОЛЬНЫЙ, вдольный, что идет, лежит вдоль, по длине, длинником, противополож. поперечный. Продольная настилка, длиной досок или пластин по длине застилаемого протяжения; поперечная, длиной досок, в ширину дороги, полосы. Продольный разрез здания, в чертеже. Продольные выстрелы, - огонь, по длине расположения стана, войска, укреплений. Продоль ж. сиб. вдоль, долью, по длине. Продоль воды, по течению. || Всякая вдольная настилка [Даль, 1978].

ПРОДОЛЬНЫЙ, продольная, продольное. Проходящий по направлению длины или расположенный по длине чего-нибудь, ант. поперечный. Продольный разрез машины (на чертеже). Продольная распилка. Продольная сторона здания. Продольная пила (для распилки дерева вдоль, напр. бревна на доски) [Ушаков 1940].

ПРОДОЛЬНЫЙ – Расположенный по длине, вдоль чего-нибудь [Ожегов, Шведова, 2006].

Продольный, - ая, - ое. Расположенный в длину, вдоль чего-либо, проходящий по долевному направлению (противопол.: поперечный). На самой вершине голой скалы возвышалась четырехугольная башня, вся черная, еще крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Тург. Ася, 4. Сядешь на эту софу, и какая бы качка ни была – килевая ли, то есть продольная, или боковая, поперечная – упасть было некуда. Гонч.Фрег. «Паллада», I, 2. Все корабли начали стрелять по самому хребту, простреливая его продольным огнем. Степан. Порт-Артур, I, 2. о **Продольная пила**. Служащая для распиловки древесины вдоль. Быланин тоже никогда не разводил продольной пилы, но видел, как делали это другие. Наседк. Больш. семья, I, 19. => В слож. В названиях станков. Продольно-фрезерный станок.

Продольно-распиловочный станок. Продольно-строгальный станок. — Слов. Акад. 1822: продольный [ССРЛЯ 1961, т. 11: 1045].

ПРОДОЛЬНЫЙ прил. Расположенный в длину, вдоль чего-л., проходящий по долевному направлению (противоп.: поперечный) [Ефремова 2000].

Из приведенных описаний следует, что за 150 лет толкование слова существенно не изменилось. В лексикографических описаниях использованы следующие интерпретирующие характеристики понятия продольный:

- расположенный в длину, по длине;
- проходящий по направлению длины;
- расположенный по долевному направлению, вдоль чего-либо.

Выделяем мотивирующие толкование элементы. Как следует из непротиворечивых лексикографических описаний, слово «продольный» толкуется через комплекс мотиваторов (используем это понятие для обозначения языковых средств истолкования значения): 1) расположенный в длину, по длине; 2) проходящий по направлению длины; 3) расположенный по долевному направлению, вдоль чего-либо. Раскрываем мотиваторы.

Расположенный по длине:

ДЛИНА́ ж. протяжение вдоль, до́лина; пск. долища, должина, твер. пск. длинь, перм. доль; за длину пространства, тела или вещи обычно берется направление наибольшего протяжения его; длина, ширина и вышина, или мера по уровню вдоль и поперек и мера по отвесу, составляют три основные протяжения всякого тела или пространства [Даль 1978].

Как видим, важным элементом толкования слова является семантический компонент «направление». Оно употребляется и в собственно толкованиях прилагательного «продольный», и в толковании его мотиватора «длина» (по длине).

Мотиватор «вдоль» также приводит к понятию «направление»:

ВДОЛЬ – 1) В направлении длины чего-нибудь. 2) В продольном направлении, по длине [Ефремова 2000].

ВДОЛЬ – 1. предлог в соединении с «по» с дат. или без него с род. По направлению длины чего-нибудь. Вдоль стены стоят книжные полки. Вдоль берега. Вдоль по берегу. 2. Тоже в знач. нареч. Разрезать материю вдоль. Вдоль и поперек (разг.) – 1) во всех направлениях. Изъездил Европу вдоль и поперек. 2) перен. совершенно, вполне, во всех подробностях. Я изучил эту книгу вдоль и поперек [Ушаков 1940].

Таким образом, понятие «продольный» жестко связано с понятием «направление». Все мотиваторы сходятся в этой семантической точке.

НАПРАВЛЕНИЕ 1. Процесс действия по знач. глаг.: направлять, направить. 2. Линия движения в какую-л. сторону, к какому-л. месту. 3. Путь развития, политическое, научное течение [Ефремова 2000]. Соединив раскрытые мотиваторы, получим уточненное определение:

ПРОДОЛЬНЫЙ – расположенный по направлению линии наибольшей протяженности предмета.

Понятия «направления» и «линия» предполагают определенность направления и его заданность (!). То, что расположено продольно, находится именно вдоль линии наибольшей протяженности предмета, и ни в каком другом направлении. Совершенно очевидно, что расположение под углом к какой-либо линии не может считаться расположенным вдоль этой линии. Ни о какой тождественности понятий речь идти не может. Это следует уже из результатов раскрытия значения слова через мотиваторы.

Убедительным дополнительным доказательством сказанного является реализация третьего этапа лексико-семантического метода: включения слова «продольный» в систему семантических отношений. Подбор синонимов и антонимов полностью разбивает мнение о том, что расположенность под углом – разновидность продольного расположения.

Антонимом к слову «продольный» является слово «поперечный».

ПОПЕР'ЕЧНЫЙ, поперечная, поперечное. Пересекающий что-нибудь поперек, расположенный поперек чего-нибудь; ант. продольный. Поперечная линия. Отверстие в виде поперечной щели. Поперечное положение ребенка при

родах. Поперечное сечение. Поперечная пила (режущая дерево поперек его волокон). Встречный и поперечный – см. встречный. Поперечная мука (спец.) - обыкновенная ржаная мука, с отрубями, не отсеянная [Ушаков 1940].

Для решения рассматриваемой проблемы сам факт наличия антонима имеет решающее значение. Известно, что не все слова имеют антонимы. Слово с противоположным значением отсутствует у тех слов, которые обозначают что-то неконкретное, не имеющее критериев соотнесения с объектом действительности. Наличие антонима означает, что существуют критерии соотнесения слова с объектом реальности. В рассматриваемом случае конкретность очевидна, и она может быть передана специальными терминами.

Стилистически нейтральные понятия *продольный* и *поперечный* имеют синонимические терминологические обозначения *параллельный* и *перпендикулярный*.

Продольный – параллельный линии наибольшего протяжения предмета.

Поперечный – перпендикулярный линии наибольшего протяжения предмета.

Используем включение лексемы в семантические отношения: каким словом можно будет обозначить то, что расположено по отношению к оси под углом 45 градусов? Оно будет продольным или поперечным? Ответ на вопрос невозможен, поскольку *продольный* и *поперечный*, как и их синонимы *параллельный* и *перпендикулярный* – строгие понятия, четко обозначающие направление расположения объекта в пространстве относительно оси.

Суждение о возможной нестрогой параллельности продольно расположенного объекта вызвано неразличением собственно значения слова и его смысла в контексте. Значение – константная категория, смысл – ситуативная.

Само значение слова «продольный», как и «параллельный», предполагает совершенно определенное направление расположения объекта вдоль оси. Строгость же понимания этой параллельности (продольности) зависит от стиля текста и его содержания. В художественном, разговорном, публицистическом стиле все слова реализуют более широкий спектр смыслов, в официально-

деловом и научном тексте значения фиксированы и строги. Покажем это на примерах: (1) *Они шли параллельно дороге.* (2) *Они шли вдоль дороги.*

Смысл двух предложений идентичен. Ни у кого не вызывает сомнений строгость и четкость понятия *параллельный*, однако в данном контексте «параллельно», как и «вдоль», допускает движение идущих с некоторыми отклонениями от прямой линии с сохранением в целом направления. Но если бы идущие двигались под углом к дороге, их движение нельзя было бы назвать ни параллельным дороге, ни направленным вдоль нее.

То же самое и применительно к слову «продольный». Конечно, в повести И. С. Тургенева «Ася» не предполагается абсолютная параллельность линий: «...*четырёхугольная башня, вся черная, еще крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной*» (цит. по: [ССРЛЯ 1961, т. 11: 1045]). В контексте же точных дисциплин продольность не предполагает каких-либо отклонений от строго определенного направления: ПРОДОЛЬНАЯ ОСЬ бруса, автомобиля, самолета.

В ситуациях, связанных с изготовлением конкретных изделий, текстовые описания предполагают выражение смысла, строго соответствующего четким критериям. Так, если при пошиве изделия требуется сделать продольный разрез, то отступления от строгой параллельности недопустимы. Изделие, выполненное с разрезом от 10 до 55 градусов от оси, будет испорченным. Продольная распиловка бруса или доски также не допускает непараллельности. Данный признак (параллельность) должен быть соблюден обязательно.

В рассматриваемой судебной ситуации о патентовании изобретения речь также идет о конкретном изделии, выполняемом по конкретному чертежу. В контексте описания технических характеристик изделия никакая вольность трактовки недопустима.

Таким образом, очевидно, что определение «продольный» подразумевает «расположенный параллельно длине». В контекстах, не предполагающих скрупулезной точности в описании расположения предметов, речь может идти о нестрогой параллельности, то есть о параллельности, высчитанной не с

математической точностью, а воспринятой приблизительно, на глаз, на обозримом отрезке. Однако даже при таком нестрогом понимании «продольный» и «расположенный под углом» – совершенно разные понятия. Понятие «продольный» не предполагает расположение предметов под углом.

В результате лингвоэкспертного рассмотрения в рамках правового конфликта было выявлено, что в современной речевой ситуации слово *продольный* отодвинуто на второй план более востребованным синонимом *параллельный*, несколько изменило нишу употребления и в связи с этим обстоятельством нуждается в уточнении. Лексикографии для дальнейшей работы передается сырой материал:

Продольный: 1) расположенный вдоль линии наибольшей протяженности (продольная трещина) – не предполагает строгой параллельности, объекты параллельны на видимом отрезке; 2) *спец.* Параллельный (продольная распиловка бруса, продольный разрез, продольное расположение деталей).

По итогам рассмотрения семантики слова *продольный* и динамики его семантических отношений в современной лексике можно сказать, что экспертная практика может обозначать лексикографии проблемные сферы, казалось бы, устоявшихся толкований.

II. Описание семантического объема и дифференциация значений нового для языка слова – вторая выявленная ниша взаимодействия лексикографии и лингвоэкспертологии. Проиллюстрируем эту проблемную ситуацию конфликтной интерпретацией слова *Интернет*.

Предметом лингвоэкспертного рассмотрения стал п. 2, подпункт д) ст. 110 УК РФ «*То же деяние, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”),...*».

То есть деяние оценивается как более тяжкое, если при его совершении были использованы указанные средства. В рамках дел, возбужденных по настоящей статье, стали возникать следующие коллизии: как квалифицировать

использование сети Интернет не в качестве средства распространения информации, а в качестве технического средства связи (общение по скайпу, в социальной сети, ICQ, Телеграм, Viber, др.)? Мнение обвинения и защиты по этому вопросу не совпадает. Принципиальную роль для интерпретации текста закона и соотнесения с денотатом дала бы полная, исчерпывающая, актуальная дефиниция лексемы «Интернет».

Отсутствие дифференциации значений слова *Интернет* в словарях становится основанием привлечения по ст. 110, а наличие дифференциации позволяет доказать несоответствие квалификации деяния запретительной норме.

Лингвистические вопросы в рамках правового конфликта:

- Каково значение слова *Интернет* в современном русском языке? в настоящем контексте?

- *Интернет* в контексте ст. 110 УК РФ – способ распространения информации или средство ее передачи, то есть информационный ресурс или техническое средство?

Для ответа на вопросы необходимо обратиться к лексикографическим описаниям. Их было найдено немного.

ИНТЕРНЕТ (англ. Internet от лат. inter – между и англ. net – сеть – паутина), международная (всемирная) компьютерная сеть электронной связи, объединяющая региональные, национальные, локальные и др. сети. Способствует значительному увеличению и улучшению обмена информацией, прежде всего научно-технической. Объединяет свыше 50 млн. коллективных и индивидуальных пользователей (каждый со своим электронным адресом) во всем мире [БЭС 2000].

ИНТЕРНЕТ – всемирная компьютерная сеть, позволяющая пользователям персональных компьютеров, находясь в любой точке земного шара, иметь связь друг с другом, получать и передавать информацию [Новый словарь иностранных слов 2009].

Слово *Интернет* еще очень молодо, но уже успело пройти определенный путь развития в нашем языке. Сначала обозначало конкретную информационную компьютерную сеть, в связи с чем закрепилось приоритетное написание с заглавной буквы. Затем значение слова как имени собственного стерлось, на первый план вышло нарицательное значение, указывающее на определенное средство коммуникации.

Описания значения слова *Интернет* не коррелируют с картиной, выявленной по результатам анализа употреблений лексемы в реальных контекстах.

Анализ значения слова по различным источникам показал, что слово *Интернет* используется в двух значениях:

1) информационный ресурс, то есть средство распространения и получения информации: *Эта проблема с еще большими последствиями возникает при поиске информации в сети Интернет, которая стала поистине всемирным хранилищем и распространителем разнотипных информационных документов* [Керимов 2004].

2) Техническое средство связи, то есть способ передачи информации: *А платеж можно сделать не только в отделении банка, но и через телефон, Интернет* [Крашаков 2003].

Оформим различия между значениями слова *Интернет* в виде таблицы

Таблица № 2. Значения слова *Интернет*.

ИНТЕРНЕТ	Значение № 1	Значение № 2
Значение	информационный ресурс	техническое средство связи
Расшифровка	источник сведений различного характера	способ осуществить какую-либо операцию на расстоянии
Сочетаемость	искать в Интернете	через Интернет

	найти в Интернете распространить в Интернете	посредством Интернета
Аналоги по функции	Книги, СМИ, радио, телевидение, публичное выступление	Почта, телеграф, телефон, личный разговор, СМС
Функционирование	Накопление и распространение информации неопределенному кругу лиц	Передача конкретного сведения по конкретному вопросу конкретному адресату
Отношение к публичности	средство реализации публичности	Не имеет отношения к публичности

В контексте статьи 110 УК РФ отдельным пунктом с особой ответственностью выделяется распространение информации в ПУБЛИЧНЫХ источниках. Именно публичность называется отягчающим фактором деяния. Поэтому совершенно очевидно, что сеть Интернет рассматривается в данном случае в значении №1 – как источник накопления, хранения и распространения информации. В контексте статьи 110 УК РФ Интернет представлен как один из информационных ресурсов: *То же деяние, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).*

О том, что Интернет в контексте ст. 110 УК РФ обозначает информационный ресурс, а не технический способ связи, свидетельствуют факторы:

1. Выдвижение на первый план такой характеристики деяния, как **публичность**.

2. Использование понятия *сеть «Интернет»* в скобках, в качестве указания на частный случай средства реализации публичности; Интернет как разновидность **информационных** сетей.

3. Упоминание Интернета в одном ряду со **СМИ и информационно-телекоммуникационными** сетями как средством распространения информации.

4. Отсутствие в одном ряду со словом *Интернет* других понятий, указывающих на конкретный технический способ распространения информации, например, таких, как СМС, телефон, телеграф.

Итак, *Интернет* в исследуемом контексте – не средство связи, а средство распространения информации. Различение приведенных двух значений влияет на квалификацию деяния. В контексте п. 2, подпункта (д) ст. 110 УК РФ *Интернет* – средство распространения информации неопределенно широкому кругу лиц, то есть средство придания информации публичности (значение 1). Поскольку именно распространение информации широкому кругу лиц является значимым в диспозиции ст. 110 УК РФ, то случай, когда Интернет стал техническим средством передачи сведений (как почта, телеграф, телефон) (значение 2), этой диспозиции не соответствует, и человек не понесет дополнительной ответственности.

Описанный конфликт интерпретаций убеждает в востребованности правовой системой, социумом актуальных лексикографических описаний лексем, возникших и /или распространившихся в языке в последние два десятилетия. Лингвоэкспертология способна обозначать лексикографические точки максимальной востребованности.

III. Описание значений слов в составе устойчивых семантико-грамматических конструкций

Под семантико-грамматическими понимаем здесь конструкции, которые в рамках грамматической модели имеют частично фиксированный лексический состав и самостоятельное значение слова, отличное от значений этой же формальной оболочки в других структурах. Фразеологизмом такие

конструкции назвать нельзя, так как два или более лексических компонента не утратили самостоятельной семантики и не приобрели целостной. В одном из судебных конфликтов в центре дискуссии оказалось значение конструкции «люди Иванова». В правовом аспекте разрешался вопрос: в каких отношениях находятся люди и Иванов? Люди Иванова, согласно тексту статьи, совершали недостойные поступки. Иванов настаивал на том, что эти люди с ним никак не связаны. Журналисты же утверждали, что в любом случае репутация Иванова не задета, так как люди Иванова – это не то же самое, что сам Иванов.

Словарное определение значения рассматриваемой конструкции выявлено при выражении второго компонента существительным неодушевленным, то есть *люди чего*:

Лица, принадлежащие к какой-либо общественной среде, группе; лица, объединяемые какими-либо общими признаками. *Л ю д и* чего. *Люди науки, Каждый член общества призван делать свойственное ему дело. И люди мысли исполняют свое дело, выражая общественное мнение.* Л. Толст. Анна Карен. - *Я сам хотел бы причислить себя к людям искусства, служить искусству, потому что хотел бы воздействовать на людей.* Федин, Необыкн. Лето [ССРЛЯ 1061, т. 6: 442].

Нетождественность интерпретаций вызвала модель с компонентом-существительным в родительном падеже, выражающим семантико-грамматическую категорию одушевленности, то есть *люди кого*. Очевидно, что в настоящем случае значима дифференциация одушевленность / неодушевленность компонента Y.

Синтаксическая модель «люди кого-либо» использовалась и в XVI–XIX веках, обозначая непосредственную принадлежность людей их юридическому и фактическому хозяину. В рамках указанного значения люди, например, Дубровского – это его крепостные. На базе указанного значения развился метонимический перенос: рабы / крепостные в то же время являлись слугами, подчиненными. Модель «люди кого-либо» стала использоваться для обозначения зависимости социального / политического / военного характера

(люди Ивана Грозного, люди Курбского, люди Марины Мнишек). Описанное значение так представлено в Большом академическом словаре:

4. В буржуазно-дворянском быту – лица, находящиеся в подчинении у кого-либо; слуги. - Моих людей не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини. Лерм. Кн. Мери. Еще не доезжая деревни, князь и люди его слышали веселые песни. А. К. Толст. Кн. Серебряный. Пошли мы, и господа, и люди, все вместе, – тут не было разбора. Герцен, Былое и думы» [ССРЛЯ 1961, т. 6: 443].

Выражение «люди кого-либо» в приведенном значении утратило актуальность в советский период по социально-политическим причинам. С момента создания словаря язык существенно изменился, но в других словарях, приближенных к нам по времени, значение конструкции не представлено.

В 90-е годы XX века конструкция получила новую жизнь с распространением в криминальной среде (*Люди Сидоренко требуют отдать им игорный бизнес*), потом перешла в обыденную речь, а затем в публицистику и литературу.

Модель «люди кого-либо» активно употребляется и в современном русском языке. Слово в родительном падеже называет лицо, обладающее какими-либо полномочиями / возможностями: управленческими, материальными, административными, любыми иными. Кто-либо в данной модели – человек, управляющий другими людьми на каком – либо основании: как официальный начальник, как покупатель услуг, как манипулятор, опирающийся на физический, психологический, политический или иной ресурс.

Рассмотрение одной лексико-грамматической конструкции показало, что, во-первых, в рамках определенных моделей слова приобретают регулярные самостоятельные значения и нуждаются в фиксации, во-вторых, подобные модели, как и отдельные лексемы, подвержены семантической динамике, и в-третьих, лингвоэкспертология способна накапливать для лексикографии опыт практической конфликтной интерпретации.

Настоящий материал нацелен не только на обозначение болевых точек лингвистической экспертизы, в которых практическое направление лингвистики ищет поддержки у лексикографии, но и на побуждение лингвистического сообщества к созданию некоего банка спорных толкований, потенциально способного стать источником трансформации / конкретизации лексикографических описаний. В любом случае опыт взаимодействия двух направлений лингвистики не может быть бесплодным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бельчиков Ю. А.* Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в русской речевой коммуникации. Филологические науки. 2002. № 4. С. 66-74.
2. *Бельчиков Ю. А.* Русский язык XX век. М., 2003. Гл. 1. С. 53-75.
3. *Борщ-Компанец Н. С.* Заключение патентного поверенного. Материалы гражданского дела № 2-763/2010, Ленинский районный суд г. Челябинска.
4. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139894>
5. *Голев Н. Д.* Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы. Юрислингвистика-3. Барнаул, 2002.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
7. *Ефремов В. А.* Словари субстандатра в экспертной практике. Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2(24). С. 41-49.
8. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. В 2-х тт. М., 2000.
9. *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. Нормативные словари как инструмент лингвистической экспертизы текста. М., 2008.
10. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка Справочное издание. СПб., 2000.
11. Новый словарь иностранных слов. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1742
12. *Ожегов С. И. Шведова Н. И.* Словарь русского языка. М., 2006.
13. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1.
14. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. / Под общей редакцией Ф. П. Филина. М.-Л., 1961.

15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/959062>

ИСТОЧНИКИ

1. Керимов С. Г. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии. Информационные технологии, 2004 / Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

2. Крашаков А. Иностранцы «съедают» наши банки? «Аргументы и факты», 2003.01.29 / Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

REFERENCES

1. Belchikov Yu. A. *Invective Vocabulary in the Context of Certain Trends in Russian Speech Communication* [Invektivnaya leksika v kontekste nekotoryh tendencij v russkoj rechevoj kommunikacii]. *Philological Sciences*. 2002. № 4. Pp. 66-74.

2. Belchikov Yu. A. *Russian language of the twentieth century* [Russkij yazyk XX vek]. Moscow, 2003. Ch. 1. Pp. 53-75.

3. Borsch-Kompaneets N. S. *Conclusion of the patent attorney. Materials of the civil case № 2-763 / 2010, Leninsky district court of Chelyabinsk* [Zaklyuchenie patentnogo poverennogo. Materialy grazhdanskogo dela № 2-763/2010, Leninskij rajonnyj sud g. Chelyabinska].

4. *Large encyclopedic dictionary* [Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar']. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139894>

5. Golev N. D. *The objectivity and legitimacy of the sources of linguistic expertise* [Ob ob"ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoj ehkspertizy]. *Jurilinguistics-3*. Barnaul, 2002.

6. Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living great Russian language* [Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka]. Moscow, 2006.

7. Efremov V. A. *The substandard of the expert practice* [Slovari substandatra v ehkspertnoj praktike]. *Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical university*. 2015. № 2 (24). Pp. 41-49.

8. Efremova T. F. *The new dictionary of the Russian language. Sensible-educational* [Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyj]. Moscow, 2000.

9. Krysin L. P. *Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography* [Slovo v sovremennyh tekstah i slovaryah. Ocherki o russkoj leksike i leksikografii. Normativnye slovari kak instrument lingvisticheskoj ehkspertizy teksta]. Normative dictionaries as a tool of linguistic expertise of the text. Moscow, 2008.

10. Kuznecov S. A. *The dictionary of the Russian language reference edition* [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka Spravochnoe izdanie]. St. Petersburg, 2000.
11. *New dictionary of foreign words* [Novyj slovar' inostrannyh slov]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds/1742
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. I. *Dictionary of the Russian language* [Slovar' russkogo yazyka]. Moscow, 2006.
13. *Dictionary of the Russian language in 4 volumes* [Slovar' russkogo yazyka: V 4-h tt. / Pod red. A. P. Evgen'evoj]. Moscow, 1999. Vol. 1.
14. *Dictionary of the modern Russian literary language in 17 volumes. Under the General editorship of F. P. Filin* [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17-ti tt. / Pod obshchej redakciej F. P. Filina]. Moscow-Leningrad, 1961.
15. Ushakov D. N. *Explanatory dictionary of the Russian language* [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 4-h tt.]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/959062>
16. Kerimov S. G. *Intellectual information search based on ontology* [Intellektual'nyj poisk informacii, osnovannyj na ontologii]. Information technologies, 2004 / national corpus of Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
17. Krashakov A. *Foreigners «eat» our banks?* [Inostrancy «s"edayut» nashi banki?]. «Arguments and facts», 2003.01.29 / national corpus of the Russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Дата выхода издания в свет 12.07.2018.

Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2018